

Торжество идей Коммунистической партии

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 124 (3780)

Вторник, 15 октября 1957 г.

Цена 40 коп.

НА ВСТРЕЧУ 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА

Алексей СУРКОВ

1. СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

родилась в красногвардейской куртке и красноармейской шинели. Она заявила миру о своем рождении «срочно» в 1917 году. Это было в дни великого Октября, в дни великой революции. Литература в этот период была не просто искусством, а оружием в борьбе за социализм. Она освещала путь народам, участвовала в их борьбе за свободу и независимость. Литература была частью великого народного движения, она была совестью и совестью народа.

2. НЕЗАБЫВАЕМОЕ УТРО

22 июня 1941 года надолго обожгло сердца советских людей горячим ветром ненависти и гнева. Это было утро великой войны. Литература в этот период была не просто искусством, а оружием в борьбе за Родину. Она освещала путь народам, участвовала в их борьбе за свободу и независимость. Литература была частью великого народного движения, она была совестью и совестью народа.

НЕЗАБЫВАЕМОЙ, героической страницей вошла в летопись Советской страны эпоха Великой Отечественной войны. Как сказал Александр Фадеев, эта эпоха «подняла на гребень, как великую, могучую, непреодолимую силу, все самое истинно прекрасное, что было воспитано в советском человеке двадцатью пятью годами советского строя. Показать это самое прекрасное как непреодолимую силу во всемирной схватке с самыми мрачными, зверскими, античеловеческими силами в развитии человечества — в этом, можно сказать, историческая миссия советского искусства».

Быть может, не было еще в истории нашей молодой литературы периода, когда писатели, активно участвуя в борьбе с врагом, во всем разделяя трудную и высокую судьбу народа, уверенно шли по горячим следам событий, страстно, вдохновенно рассказывая миру о времени и о себе. Тогда на практике естественно осуществлялась та тесная связь литературы с жизнью народа, о которой постоянно напоминает писатель Коммунистическая партия и о которой говорил недавно в своих выступлениях Н. С. Хрущев.

Будущие историки литературы, несомненно, не раз будут возвращаться к этому славному этапу в жизни нашего искусства, черпая здесь примеры удивительной самоотверженности литераторов, стойкости их духа, внутренней мобилизованности, глубокого воодушевления задачами общенародной борьбы. Они отметят, как много было тогда создано произведений, как велика была действительность писательского слова. Горьковский призыв: «Если враг не сойдет, — его уничтожить!» — громко звучал со страниц книг и газет, в рассказах и стихотворениях, статьях и пьесах. Нельзя не видеть, что в трудную годину испытаний советская литература особенно ярко проявила свою новаторскую сущность, социалистический гуманизм, верность идеалам коммунизма.

Русский характер

СОВЕТСКАЯ литература за 25 лет своего существования по рубежам Великой Отечественной войны была вдохновлена тематикой борьбы за торжество справедливости, которую несли революция, и борьбы за осуществление новых материальных, общественных и нравственных форм Советского государства...

Русский характер — легкий, открытый, добродушный, желанный (жалеть и любить в народном понятии — синонимы), когда жизнь не требует от человека жертв. Но когда приходит беда, русский человек суров, думает в труде и беспощаден к врагу, — не щадя себя, он не щадит и врага. А кончился бой, — шутки и смех!.. В мелочах русский человек может быть несправедлив к себе и к другим, он скрывается в шуточку, там прихвастает, там притворится дурочком... Но справедливость в больших делах и больших делах живет в нем неискоренимо. Во имя справедливости, во имя общего дела, во имя Родины он, не подумав о себе, кинется в огонь.

Мы приводим эти небольшие выдержки из статьи А. Толстого «Русский характер», опубликованной в литературном журнале «Искусство» в 1944 году. На русском языке в полноразмерном виде эта статья впервые будет напечатана в специальном издании, издаваемом «Союзным писателем» к юбилею Советской Армии.

ЗОЛОТОЙ ОПЫТ

ПИСАТЕЛИ во время войны поработали много и хорошо. Я не забуду Таллин, последние дни перед нашим отходом из окружения. В Таллине осталась группа писателей и журналистов, и эта группа сумела выпустить газету в момент, когда немцы уже были в городе. Писатели и журналисты были там до конца и потеряли там очень много людей.

В Ленинграде писатели также несли свое место. Хотели и сохранить там остатки полиграфии, но не было нужных кадров, наборщиков, метранпажей и т. д. Писатели пришли на радио, работали там. Я назыву Николая Тихонова, Ольгу Берггольц и еще некоторых товарищей, которые в Ленинграде поработали очень хорошо и по-настоящему. Приходилось видеть их и на других фронтах...

В самом конце войны, когда все мы собрались у рейкстага, совершенно воспылавшие радостью победы, когда в День печати 5 мая мы пришли к рейкстагу, когда офицеры и солдаты спрашивали: — что это путь за батальон идет? И из его рядов сыпалось шутливо: — батальон писателей, батальон журналистов и т. д. К этому батальону отнеслись с большим вниманием, приезжали к нам Берзарин и другие. Люди умели работать, люди умели брать материал везде, где его можно было брать. Там и слезы, и гнев, и радость, и правда. И военная журналистика эпохи нашей Отечественной войны должна быть еще глубоко и глубоко изучена...

Путь возьмать люди — литераторы и критики — за изучение этого большого дела, пусть они помогут ПУРУ и Политуправлению Военно-Морского Флота и пусть они посмотрят, как создавался этот батальон и что в ней особенно хорошо, и что в ней особенно плохо. И если есть что-то хорошее, то это может нам пригодиться. И кроме того, точкой зрения исторической литературы, нужно воздать должное тем, кто творил эту армейскую и флотскую прессу, которая так сумела поднять в связи с общей гигантской работой партии, поднять народ на выполнение больших и светлых целей, которые стояли в этой войне...

Весь золотой опыт войны — опыт, который в каждом из нас, мы обязаны дать народу в своих произведениях... Мы должны поднять вопрос о военном опыте и о темах новой пилитки (о том), как наш военный опыт... может служить новому движению народа вперед и эта работа должна быть нами поднята.

В самые великие моменты героической жизни народ наш находил огромную волну энтузиазма и двигался вперед, сметая на своем пути все препятствия. Там мы делали в Октябре, в гражданскую войну, в период восстановления, в период пятилетки, в период Великой Отечественной войны. Сейчас такое положение грядет...

Весь боевой дух народа должен быть мобилизован. Первое место в мобилизации этих сил — писателя — на всех участках, в литературе, театре, в кино, на радио...

Эти отрывки приведены из неопубликованной стенограммы выступления В. С. Вишневецкого на встрече президиума правления Союза писателей СССР с демократизованными писателями 25 мая 1946 года.

В лучших произведениях военных и послевоенных лет наша многонациональная советская литература достигла той заветной вершины, того состояния, когда сердце художника полностью сливается с сердцем народа.

Книги, пропащие солдатским потом и кровью, стихии, подыманные на бой, песни, зовущие к победе, — такими произведениями мы могли бы гордиться самая богатая литература, самый требовательный к себе художник.

Сила лучших художественных произведений тех лет именно в том, что сам народ вошел тогда в литературу с драматизмом переживаниями, величием своего исторического подвига. Традиции предельно органичной близости народа и художника особенно ярко проявились тогда — вот что очень важно сейчас для нас, вехских литераторов и писателей. Именно к этому, к установленному еще более тесной связи с жизнью народа зовет нас сегодня партия, зовет сама совесть художника.

Книга

НИКОГДА еще так полно и ярко не проявлялось единство партии и народа, как сейчас. Никогда каждый из нас не ощущал так беспредельно широко величие всех лет партии, ее проработанность, мудрость, ее победу, поступ, как в эти светлые, радостные дни накануне сорокалетия Советской власти. Полноводной рекой идут победные рапорты со всех мест страны. Рапортуя о своих успехах строители Куйбышевской ГЭС. Перекрывают Иргыш у Бухтармы. Алтай собрал для Отечества огромное количество хлеба. Только что воспитан народ своими руками советский реактивный пассажирский самолет «Ту-104А». Не успели сойти со страниц газет вести об удивительных рейсах «стрелы стратосферы», как печать сообщила о запуске межконтинентальной баллистической ракеты. Не успела высохнуть типографская краска, — новое событие, буквально потрясшее нас: 4 октября отправился в стремительный космический рейс советский искусственный спутник Земли. На Татарии пришел телеграфный рапорт о сверхскоростной прокладке глубоководной нефтяной скважины, а Центральное Статистическое Управление при Совете Министров СССР объявило о резком повышении в стране производства и заготовки молока и масла...

Нужны электронные счетные машины, чтобы выразить в цифровых показателях усилия народа, его горячее стремление приступить к празднику новых заводов, дать больше металла, хлеба, овощей и фруктов, открыть двери новых жилых домов, умножить научные открытия, выпустить больше книг, спектаклей, кинофильмов. В буржуазные истории и социологи по сей день пишут о том, что большевики — совершенно случайно вошли в 1917 году власть в свои руки, что дело все было бы лишь в каких-то «спрочетах». Временного правительства и иноземных посольств в Петрограде. Как смеют творить и жалки эти попытки умалять значение Великого Октября, всемирную победу ленинской партии большевиков!

В Призывах ЦК КПСС в 40-й годовщину Великой Октябрьской социалистической революции победно звучат голоса Партии: — Слава Великому Октябрю, открывшему новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и утверждения социализма! — Построение социализма в СССР, — говорится далее в Призывах, — главный итог Октябрьской революции. Слава рабочему классу, к которому принадлежит истинная революция, к которому принадлежат истинные революционные вожди: Ленин, Сталин, Ворошилов, Молотов, Берия, Маленков, Хрущев, Брежнев, Косыгин, Андропов, Горбачев. Слава рабочему классу, к которому принадлежит истинная революция, к которому принадлежат истинные революционные вожди: Ленин, Сталин, Ворошилов, Молотов, Берия, Маленков, Хрущев, Брежнев, Косыгин, Андропов, Горбачев.

Слава Великому Октябрю, открывшему новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и утверждения социализма! — Построение социализма в СССР, — говорится далее в Призывах, — главный итог Октябрьской революции. Слава рабочему классу, к которому принадлежит истинная революция, к которому принадлежат истинные революционные вожди: Ленин, Сталин, Ворошилов, Молотов, Берия, Маленков, Хрущев, Брежнев, Косыгин, Андропов, Горбачев.

Слава Великому Октябрю, открывшему новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и утверждения социализма! — Построение социализма в СССР, — говорится далее в Призывах, — главный итог Октябрьской революции. Слава рабочему классу, к которому принадлежит истинная революция, к которому принадлежат истинные революционные вожди: Ленин, Сталин, Ворошилов, Молотов, Берия, Маленков, Хрущев, Брежнев, Косыгин, Андропов, Горбачев.

Слава Великому Октябрю, открывшему новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и утверждения социализма! — Построение социализма в СССР, — говорится далее в Призывах, — главный итог Октябрьской революции. Слава рабочему классу, к которому принадлежит истинная революция, к которому принадлежат истинные революционные вожди: Ленин, Сталин, Ворошилов, Молотов, Берия, Маленков, Хрущев, Брежнев, Косыгин, Андропов, Горбачев.

Такой было в любой из братских литератур Советского Союза. Большинство советских литераторов, пришедших в литературу после Октября, раньше чем стать левыми революционерами, были же солдатами. Литая страница до аскетизма простых и не украшенных книг Дмитрия Фурманова, читатель видит эти автора в бакирских и приуральских степях, среди бойцов легендарной Чапаевской дивизии, в Казахстане, перед лицом озверевшей банды мятежников, в камышах кубанских плавней, рядом с героем «Железного потока» Елифаном Ковтюком.

Сквозь строки книг Александра Фадеева «Разгром» и «Последний из удюге» различимы фигуры ведущих, почти мальчишья, партизанского комиссара, ведущего таежных охотников, крестьян и сучанских шахтеров но бы в японскими интервентами и семевновскими и калмыковскими палачами.

Героическая биография юного солдата революции Николая Островского в книге «Как закалялась сталь» завоевала стальной характер Павки Корчагина. Разве часто в истории мировой литературы можно встретить биографии, подобные полному романтики жизненному пути Аркадия Гайдара? В четырехдальней лет отблудный чудесный писатель для юности вошел в бой роту курсантов. Не достигнув сорока лет, он пал смертью храбрых на поле боя, сражаясь на Украине, в рядах партизан, против захватчиков-фашистов.

Бредо первого поколения советских писателей нашей и всей многонациональной литературы прозвучало в знаменитых строках Маяковского: Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс.

В строю защитников завоеваний Октября прошла советская литература сквозь годы гражданской войны. Вместе с партией и народом, в поисках новых путей, прошла через неслетные и крепкие голы вена. Вместе со своими героями поднималась она на леса исторических строев предвоенных пятилеток. Умудренная творческим и гражданским опытом, встретила она трагическое утро 22 июня 1941 года. Суровый и трудный путь народа по нехоженой целине будущего сделал ее особенно восприимчивой к тому, о чем в свое время так точно и так сильно сказал Николай Алексеевич Некрасов:

Где трудно дышится, Где горе слышится, Будь первым там!

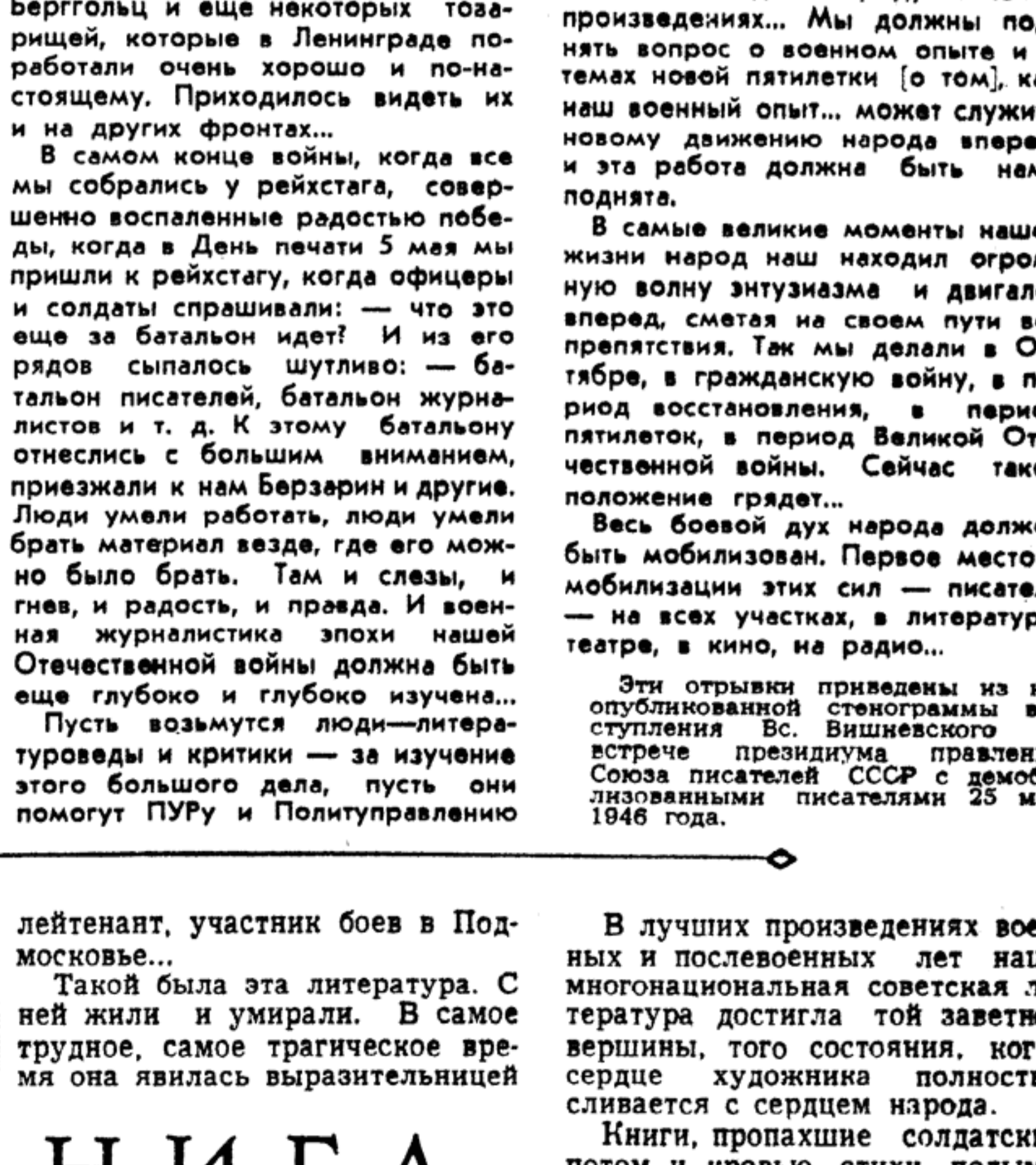
На поле боя лежит убитый солдат. Подходит товарищ, снимают с него подумки с патронами, раскрывают походный мешок. Что в нем, в этом тощем солдатском мешке? Что было самым необходимым для человека, шедшего в бой? Краюха хлеба. Пачка концентрата. Пара запасных портянок. И еще что-то... Книга! Такую найденную у убитого бойца книгу, просторечную навывлет, со слезинками от крови страницы получили с фронта Юрий Яновский от друзей погибшего. Это был роман «Всадники». Эпизипларом этой книги Яновский потом гордился, как самой высокой оценкой своего писательского труда. Немного читали мы в те трудные, страшные дни, но как глубоко проникло в душу то, что удавалось — где-нибудь, в землянке или на привале — прочитаты! До сих пор помню впечатлительность от страстной, волнующей силы стихов и песен, отчетливо помню обстоятельство, при котором пришлось услышать то или иное произведение. В начале войны было опубликовано стихотворение «Клятва» М. Ваджана. С такой поистине клятевной силой звучали слова этого стихотворения для нас, харьковских студентов, отправлявшихся на фронт: Николаи, Николаи не беде Украина Рабоу немецких катил!

Самые тысячи советских литераторов провели годы второй мировой войны в действующей армии. И почти четверть из них, чьи светлые имена мы не имеем права забыть, похоронены в солдатских братских могилах, рядом с героями и читателями их произведений. Потери, понесенные советской литературой, дали нам высокое право говорить в своих произведениях от первого лица солдата, с оружием в руках защищавшего Родину, любить его любовью, ненавидеть его ненавистью, гневиться его гневом. На боевых позициях обороны социалистического Отечества находилось и подвизающееся число литераторов, по тем или иным причинам не ушедших на фронт.

Годы военных испытаний показали родство судьбы советских писателей с судьбой прогрессивных писателей мира. Мы никогда не забудем, что в первые ожесточенные схватки с фашизмом на полях Испании, где сражались крупные писатели многих стран, отдали свое життя: яаш соратник и друг Мате Залка, чудесный английский писатель-коммунист Ральф Фокс; погиб от руки франкистских палачей великий поэт Испания Федерико Гарсиа Лорка. Рядом с именем нашего боевого товарища, татарского поэта, Героя Советского Союза Мусы Джалиля в на-

Одесс ГОНЧАР

Помню, как пришел к нам на фронт Василий Теркин и, будто живой умный, веселый, бесстрашный, — встал в наши ряды. Помню, с каким живым чувством читали мы и перечитывали в окопах «Науку ненависти» Шолохова. Как-то из госпиталей возвратился товарищ и принес переписанные от руки слова песни о землянке, о том, как «бьется в тесной пещурке огонь», принес и мощив эту песню, и легенду о том, что сочинил ее некий молодой

А. Фадеев и М. Шолохов осматривают отбитую у гитлеровцев военную технику. Западный фронт. 1941 г.

Московские писатели на Алтае

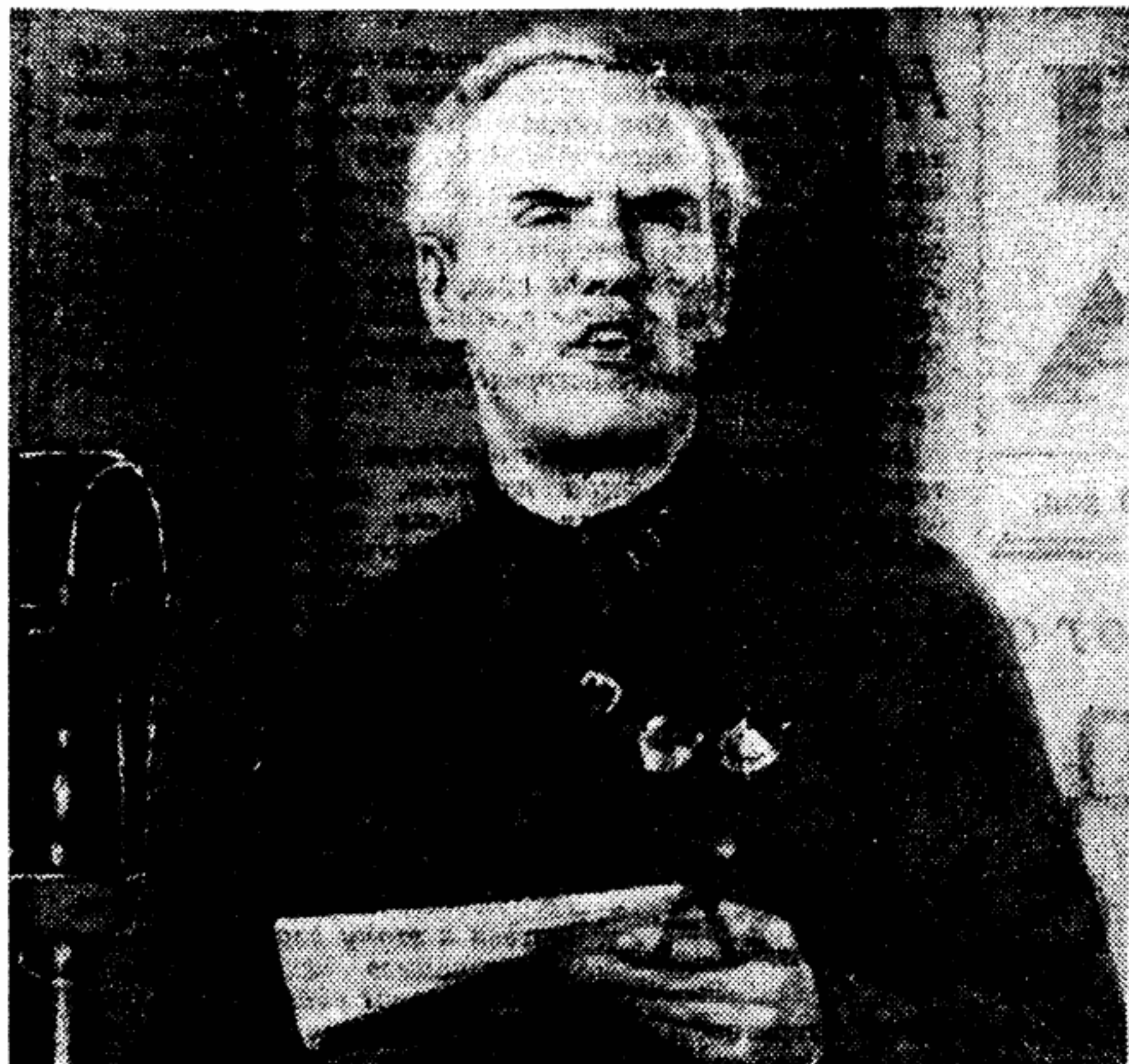
БАРНАУЛ. (По телефону). Сюда прибыла бригада Оргкомитета Союза писателей Российской Федерации на главе с председателем Оргкомитета Леонидом Соболевым. В составе бригады — поэты С. Васильев и Я. Смельков. В беседе с вашим корреспондентом Л. Соболев сказал: — Сорок лет Советской власти неузнаваемо изменили Сибирь. Теперь Сибирь стала одним из самых крупных центров приложения могучей творческой энергии советского

народа. Огромных успехов достиг и Алтайский край, ставший центром освоения целинных земель Сибири, ее житницей. Мы хотим ознакомиться с замечательными достижениями тружеников Алтая. — Кроме того, — сказал Л. Соболев в заключение, — мы хотим ближе, что называется, на месте познакомиться с жизнью и творчеством писателей, живущих и работающих на Алтае. Бригада московских писателей выехала в районы Алтая.

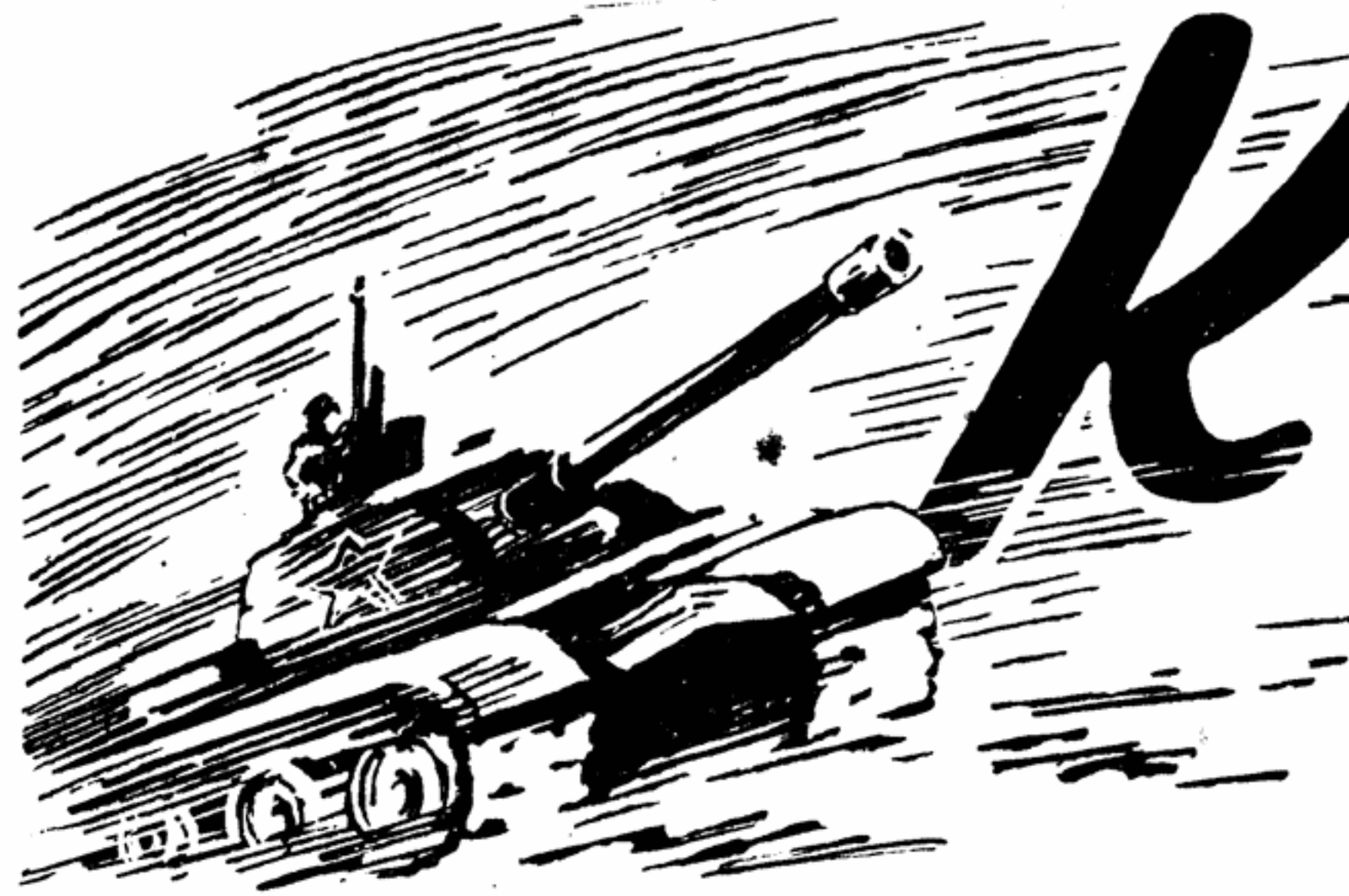
Чествование Абдуллы Каххара

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ Узбекистана широко отметила 50-летие со дня рождения и 30-летие творческой деятельности одного из виднейших узбекских писателей Абдуллы Каххара. Тепло прошли в узбекской столице и в Ферганской долине, в Узбекиском государстве театре оперы и балета, состоявшемся торжественный вечер, посвященный чествованию юбиляра. Торжественный вечер писателя охарактеризовал первый секретарь правления Союза писателей Узбекистана Б. Рахманов. Секретарь Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Д. Исламова огласила Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Абдуллы Каххара орденом Трудового Знамени и вручила писателю высокую правительственную награду. От имени ЦК КП Узбекистана, Совета Министров и Президиума Верховного Совета республики А. Каххара горячо приветствовала секретарь ЦК КП Узбекистана З. Р. Рахимбабаева. В адрес А. Каххара поступила приветственные телеграммы от правления Союза писателей СССР, от писателей Российской Федерации, Украины, Казахстана, Азербайджана, Таджикистана и Туркмении.

ТАШКЕНТ. (Наш корр.)

Н. Тихонов выступает на II Всесоюзном митинге, 1942 г.

К ШИТОВИЧУ

В. ГОРБАТОВ

Из японских дневников

27 декабря 1945 г.
ЕЩЕ вчера утром мы разговари-
вали из Владивостока с
Москвой.

Вчера ночевали в Токио — в
другом мире.
На верстах! Так мы повторяем
по привычке. Но нам верится, и мы
даже не очень хваем. Мы привыкли
к движению, смене границ, миро-
в...
Страна гористая, в снегу горы.
Конечно, штурман ошибся, и мы
вместо аэродрома Ацуги сели в
Кенагава... Связь с Ацуги нет... По-
ка суть да дело, идет обмен суве-
нирами — деньгами. Американцы
стали умнее. Дают не доллары, а
иены.

Я подарил одному червонец.
— Ленин! Ленин!
Он спросил:
— Что это — одно су?
Я сказал:
— Это три доллара.
Он почтительно посмотрел на ме-
ня, стал совать иены, я не взял.

29 декабря 1945 г.
Вечер. Сидим в отеле. Пьем ви-
ски. Американский журналист: «Кто
«Правда»?»
— Я.
— О, «Правда» — Трясет руку.
Скучно... В холле поет американ-
ские песенки японка. Несколько
корреспондентов лениво аплоди-
руют ей...

3 января 1946 г.
Золет в Хиросиму.
Дожди.
Внутреннее море. Острова.
Сели в Ивакуни.
Аэродром американский. Их ка-
зерны. Грязно, просторно, без во-
здушного вида. Неудачные матрацы...
В комнате отдыха — пусто. Но не-
изменный «Лайф»...

Атомная бомба.
Слизан весь город.
Скручены столбы.
Кек чаша — от центра — де-
ревья. Трава растет.
Круглые здания.
Жизнь продолжается.

26 января 1946 г.
Окинава (Резюме)
Коралловый остров в Тихом
океане.
Почему они? — На большой доро-
ге. Поэтому — кровь, могилы,
кресты. Гибель пейзажа. Весь мир,
через который прошла война, —
руины. И даже этот остров в Ти-
хом океане.

Победители, у которых дом не
здесь, и семья не здесь, и счастье
свое не здесь. Здесь могилы, пе-
сок, долг, девушки из Red Cross,
фотоаппараты, сувениры...
Но они устроились. Весь остров
установили канцелярии, канцелярии,
которые не дома, не казармы, не
баракы, а что-то дорожное, биву-
ачное — фуруны, ангары, пере-
вернутые лодки. И даже церковь в
канцелярии...

Но был американец и здесь —
и вода даже из Америки, и мор-
ковь, и курица, и коридж джосес.
А окривевшие в деревне за прово-
лочкой. Не потому, что враги, а
потому, что болыши, дики, грязны.
И полковник МП на выезде из
машины, проезжая с нами через их
селения.
А я? Зачем я здесь?

А. Толстой среди читателей. Москва. 1943 г.

Создать эпопею

ВОИНА — наи-
высшее ис-
пытание всех
качеств и способно-
стей народа. Во вре-
мя войны проверяются экономи-
ческая мощь и моральная сила,
силочелюбие и верность Родины,
свободолюбие, воля к победе и
готовность понести самые тяже-
лые жертвы во имя свободы и
независимости. Для работников
литературного фронта война так-
же является наивысшим испыта-
нием. Во время войны литерату-
ра становится оружием, помогаю-
щим народу бороться против вра-
га и ковать победу. В военное
время творческий труд писателя
— это бой, мужественная борьба
с врагом.

Когда отзвучал грохот войны,
замолкли орудия и народ вернул-
ся к прерванному мирному тру-
ду, литература о войне приобре-
тает другой смысл и ее задачи
становятся несколько иными: пи-
сатели, каждый в меру своих сил
и своего опыта, общим творче-
ским трудом создают эпопею
всемирной борьбы за свободу и
независимость Родины. Такая
эпопея должна быть правдивой,
всесообщающей и аналитической,
способной ярко расказать буду-
щим поколениям о подвиге их
предшественников, способной вос-
питать — в первую очередь мо-
лодежь — в духе высокого патри-
отизма, верности всему тому,
что дорого и свято народу.

Во время Великой Отечествен-
ной войны советские писатели в
подавляющем большинстве с че-
стью выполнили патриотический
долг и своим творчеством в пол-
ную силу помогли нашей армии
бить врага, помогли советскому
народу одержать победу.

В течение самой войны и в по-
слевоенные годы советские писа-
тели создали немало книг,
правдиво изобража-
ющих героизм вели-
ких испытаний и
бессмертного подвиг-
а. Я думаю, что та-
кие произведения, как «Дни и но-
чи» К. Симонова, «Народ бес-
смертен» В. Гроссмана, «Моло-
дые гвардии» А. Фадеева, «В око-
пах Сталинграда» В. Некрасова,
«Наука ненависти» М. Шолохо-
ва, «Василий Теркин» А. Твар-
довского, стихи А. Суркова и
многие другие высокоталантли-
вые творения советской литера-
туры о войне по-настоящему за-
звучат еще через некоторое
время, когда отодвинется непо-
средственная близость событий
великой войны, участниками и
свидетелями которых было наше
поколение, и когда новые поколе-
ния нашего народа и всего че-
ловечества обратят свой взор к тем
незабываемым дням.

Время войны щедро обогатило
творческий опыт советских пи-
сателей. Лично про себя могу ска-
зать, что, если бы мне не при-
шлось так близко и непосред-
ственно сопереживать с событиями
Великой Отечественной вой-
ны, я бы не написал — и не мог
бы написать — «Бурю» и некото-
рые другие произведения.

Многое сделано советскими пи-
сателями в литературе о войне,
но еще больше надо сделать. Мы
должны создать новые и новые
произведения, ярко и сильно по-
казать героизм народа, его бес-
смертный подвиг, патриотизм,
непоколебимую преданность делу
нашей партии. Наш долг — вос-
питывать в молодом поколении
благородное стремление быть до-
стойными преемниками своих от-
цов и старших братьев. Я думаю,
что советские писатели с честью
выполнят этот долг перед наро-
дом.

морально-политического единства, чувство братства
и дружбы советских народов.
В самые трудные дни войны мы читали стихи
талантливой литовской поэтессы Саломеи Нерис, по-
священные Москве:
Мои глаза
Застлали счастья слезы:
Враг подошел к тебе,
Но ты жила...
Так знавша, здравствуй,
Вынесшая грозы
Поднятая, крепкая Москва!
Этот же образ Москвы, воплощенный единство
судьбы всех братских народов СССР, звучит в поэме
белорусского поэта Максима Танка «Лягушка Селга»:
Сколько, Москва, ты мне счастья дала!
Сколько ты раз в грозную годину
Ясной надеждой,
опорой была.
Знать, оттого с тобой слиты навеки
Все мои думы и песни души.
Так лишь весною сливаются реки,
Чтобы тяжелые льды сокрушить!

Я не случайно в этом разговоре о литературе воен-
ных лет особенно обратил внимание на стихи. Поэзия в
эти годы (особенно вначале) была ведущим видом
советской литературы. Она всем своим опытом опра-
вила утверждение сбоев: «Когда разговаривают
пушки, — музы молчат». Лирика, проза, драма и
публицистика полным голосом разговаривали с наро-
дом. И голос их доходил до народного сердца сквозь
все грохоты боя.

4. В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ у нас немало было
сложено копий в спорах о лирике. Результатом
этих разговоров было появление довольно
большого числа кисло-сладких, голубовато-розоватых
интимно-лических «опусов». Их появление спут-
ствовало заметное охлаждение поэтов к чудесному,
проверенному тысячелетиями жанру поэзии, жанру
гражданско-лирического.

Витийству на темы о лирике, и критики, и, что
особенно странно, поэты даже не удостоились вспо-
минать о близкой порою самого высокого взлета лирики
в советской поэзии — о времени Великой Отечествен-
ной войны.

Уже в первые месяцы войны стало ясно, что вой-
на — это не время риторики и декламационного суе-
словия, а время сосредоточенной лирики челове-
ческого сердца. Сердце воющего человека не только
потребовало от поэтов лирических стихов, но и запрети-
ло поэтам делить лирику на «гражданскую» и
«личную».

Всем известен заслуженный шумный успех стихо-
творения К. Симонова «Дни меня», написанного в
первом полугодии войны. Что такое это стихотворе-
ние — гражданская или личная лирика? Есть ли

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ, БУДУЩИЙ АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ОФИЦЕРОМ, УЧАСТВОВАЛ В ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ. ВСЕВОЛОД МИХАЙЛОВИЧ ГАРШИН ПОШЕЛ ДОБРОВОЛЬЦЕМ НА РУССКО-ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ. ВИКЕНТИЙ ВИНКЕНЬЕВИЧ ВЕРСАЕВ — ВРАЧ, БЫЛ НА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ. ВСЕ ОНИ БЫЛИ ПИСАТЕЛЯМИ. ВСЕ ОНИ ЗНАЛИ, БУДУЧИ СВИДЕТЕЛЯМИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ЧТО, СОБСТВЕННО ГОВОРИМ, СУЩЕСТВОВАНИЮ РОССИИ, КАК ГОСУДАРСТВА, ЭТИ ВОЙНЫ НЕ УГРОЖАЮТ. ДАЖЕ ЕСЛИ ОНА ПОНЕСЕТ БОЛЬШИЕ ПОТЕРИ И ЗАКЛЮЧИТ НЕВЫГОДНЫЙ МИР ИЛИ ПОТЕРЯЕТ КАКУЮ-НИБУДЬ ДАЛЕКУЮ ПРОВИНЦИЮ, СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ ЭТО НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ.

ОЧАРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Николай ТИХОНОВ

Когда моторизованные орды Гитлера вторглись вероломно в пределы Советского государства, фашистский вождь не скрывал, что он идет со специальной целью уничтожить Советское государство и навсегда лишить пространство до Урала какой-либо русской государственности.

Над нашей Родиной нависла действительная смертельная опасность. Поэтому и отношение советских писателей к войне было несколько иное, чем у писателя до-революционных времен.

Фашисты бесощадно расправлялись со всеми русскими и особенно со всеми русскими интеллигентами. Они их сжигали или посылали в перемол, несмотря на то, был ли это классик или начинающий советский поэт.

Перемир с таким врагом быть не могло. Могла быть только беспощадная борьба до полной победы над фашизмом. Мы знаем, что советские писатели с честью выдержали это жестокое испытание. Сотни из них погибли на полях сражений, иные погибли от болезней, от голода, от перенесенных лишений.

Писатели сражались наравне со всеми советскими патриотами. Роль писательского слова необыкновенно выросла. Выросла и ответственность. Когда писатель по поручению командования писал воззвание к населению оккупированных врагом мест, или обращался к партизанам, действовавшим в тылу противника, или писал листовки и обращения к бойцам в окопах, он чувствовал особый связь с народом, с Красной Армией, со всеми участниками героической борьбы.

Старый писатель, владевший разными жанрами, жил в своих рассказах или статьях одними мыслями, одними чувствами с теми советскими людьми, к которым он обращал свои произведения. Каждый писатель и поэт говорил от полноты своих ощущений, с полной искренностью, ища наибольшую выразительность, вкладывая наивысшую страсть в свое писательское дело.

Среди бесконечных сражений и походных дорог рождались новые голоса, появлялись новые, молодые писатели. Они жили не в комнатах, среди книг и комнатных споров, они сидели в окопах, ходили в атаки, выпрыгивали из горящих танков, ходили за «языками».

Когда-то казавшиеся старыми, выбывшими из литературного языка, так называемые высокие слова снова обрели большую, горячую жизнь: Месть. Смерть врагу. Клятва верности. Клятва месту. Ни шагу назад! Стоять на смерти! Уничтожь предателя! Нет пощады фашистским гадам! И стояли на смерть, и мстили врагу за неслыханные издевательства, и клялись полками у знамен, что добудем победу.

Молодые поэты, получившие на фронте поэтическое крещение, не были любителями красивых фраз. Но зато такие добрые поэтики, как боевое товарищество,

боевая дружба, любовь, отвага, бесстрашие, они усваивали в самой суровой обстановке, и поэтому таким настоящим огнем дышали их строки, написанные далеко от мирного уюта; до сих пор этот жар сохранился в их стихах.

Они были молоды, по своему счастью и верили в победу, верили в будущее. И возглас: «Коммунисты, вперед!» — не был для них приказом. Это было веление сердца и всего существа.

Война с ее испытаниями, подчас необычайно жестокими, учила самой неприкрытой правде. И, как ни странно, она требовала сильной прозы, почти клоунацкой публицистики и ярости ламфлета или фельетона. На стихи было мало спрос, и они писались в любых условиях, даже начинающими, не умеющими еще выразить складно буревосные их чувства. Раз попались мне в руки стихи, написанные красноармейцем штурмовой блокировочной группы, залегшей вокруг вражеского дота в ожидании сигнала атаки. Почему в эти минуты в воронке, окруженной дымом близких разрывов, он писал стихи? Он признался, что был так взволнован и так думал о многом сразу, что слова сами хотели складываться в стихотворные строки.

Зато и советские люди были благодарны писателям и поэтам, ежедневно сражавшимся приравненным к штыку пером. Все помнят в осажденном Ленинграде стихи сегодя Динамбуга: «Ленинградцы, дети мои!» Они были больше, чем стихи. Они были сердцем старого казахского певца, которое болело и восторгалось жителями — защитниками героического города. И это понимали все, кто видел эти стихи, написанные огромными буквами на щитах, закрывавших мешки с песком на ленинградских улицах.

Летописцы подвига, совершенно советским народом, представляют неисчерпаемое духовное богатство. Я, как советский писатель, участник войны, видел так много героизма, выдающегося человеческого энтузиазма, патриотического горения, что могу бесконечно вспоминать простых великих людей тех удивительных дней.

Никто из нас, писателей, не закрывал глаза на то, что среди массового героизма, подвигов, самоотверженности и высокой коммунистической сознательности были люди, не оправдывавшие звания советского человека, трусы, люди темных мыслей, «дрожачие твари», как сказано в ко-
ему самому нужно, — передать движение души человека. Я хотел рассказать об этом очаровании человека в Григории Мелетехове, но мне до конца не удалось. Может быть, удастся в романе о тех, кто сражался за Родину.

Это очень удачно найденное выражение «очарование человека» звучит особо значительно, когда говорит писатель о людях Великой Отечественной войны.

Не надо забывать, что враги, которые с первого дня существования Советского государства начали искать подвоха, чтобы его уничтожить, и сегодня продолжают ту же тайную и явную борьбу в том же направлении — добиться сокрушения Советского государства и возврата к капиталистическому строю.

Поэтому и сегодня тема войны не предстает такой, какой она была перед Львом Толстым, Гаршиным или Версаевым. Речь опять идет о враге, с которым не может быть перемирия. Всем ясно, что писательская мобилизованность в этой горячей войне идей должна быть высокой; это не требует доказательств.

Советский писатель хорошо помнит, что строки Маяковского:

Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо,
написаны не в порядке какой-то милитаризации литературы, а в гордом сознании, что стих является острейшим и сильнейшим оружием в идеологической битве.

Сила этого оружия нисколько не обесценилась и в наши дни, предшествующие великому сорокалетию Октября!

И тем более радует нас, что писатели и сейчас продолжают брать темы из времен Великой Отечественной и в о й войны. Особо примечательно, что Михаил Александрович Шолохов в разговоре с корреспондентом газеты «Советская Россия» совсем недавно сказал, что его последний рассказ, вышедший в читательское волнение, превосходный рассказ «Судьба человека», «это» — подступ. Подступ к большому разговору о большой войне». И в другом месте беседы опять возвратился к этому, говоря: «Больше всего нужно для писателя,

Вс. Вишневикий среди разведчиков батальона морской пехоты. Ленинградский фронт. 1942 г.

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ших сердцах живут имена славного сына чешского народа Клууса Фуучка, югославского поэта Ивана Горана Ковачича, доблестного норвежца Нурдала Грига, французского литератора-журналиста Габриэля Лери и многих, многих других писателей, самоотверженно отдавших жизнь за освобождение человечества от фашизма. Писатели, разделявшие с солдатами и борцами Соппротивления все тяготы и опасности борьбы, противопоставили свой подвиг предательской подлости коллаборационистов и жалкой трусости тех своих коллег, которые предпочли отсиживание в уютных квартирах за океаном неуютю жизни своих соотечественников в окопах, в подполье, в суровых бомбейных нощах Лондона.

Грустно, что сегодня в некоторых странах неохотно вспоминают имена и клятвы писателей-героев, а подвиги и труды опять вылезли на авансцену литературной жизни.

3. НЕ ПОСЧИТАЙТЕ ЗА ТРУД — перелистайте страницы текущей прессы за первый год войны. Перечитайте книжки, помеченные двумя первыми самыми трудными и трагическими военными годами. На страницах газет и книг вы, как в зеркале, увидите все, чем жили люди в то суровое и жестокое время.

По мере того, как в огне тяжелых сражений первых полутора лет войны закалялась сталь будничного, непокающего мужества народа, раскрывалась вся глубина народной уверенности в победном исходе затяжной и нелегкой войны, проступали в произведениях советских писателей те черты литературы военных лет, за которые полюбила ее и поверил ей большой читатель на фронте и в тылу.

Черты эти равно присущи и стихам советских поэтов, и публицистике, и первым произведениям военной прозы, и тем драматургическим произведениям, в которых можно говорить по серьезному счету.

Первой, решающей особенностью произведений советской литературы в те годы был их суровый реализм, верность нелегкой правде военной действительности. Этот реализм пронизывает и лирику советских поэтов, и первые поэтические произведения больших форм («Василий Теркин» А. Твардовского, «Сын» П. Антокольского, «Пулковский меридиан» В. Инбер, «Буров с нами» Н. Тихонова). Черты суровой правды военных лет определяют содержание и тон лирико-публицистических «Идем к товарищу» Б. Горбатова, повести «Народ бессмертен» В. Гроссмана, пьес «Русские люди» К. Симонова, «Напестившие» Л. Леонова, «Фронт» А. Корнейчука. Острое ощущение грозной опасности, придвинувшейся вплотную, вызвало в жизни гневную и притязную публицистику А. Толстого, П. Павленко, И. Эрен-

бурга, Вс. Вишневикий, К. Федина, Вс. Иванова, «Науку ненависти» и первые главы «Они сражались за родину» М. Шолохова, книгу об обороне Ленинграда А. Фадеева. Этими же чертами отмечены и произведения М. Шагинян, Ф. Гладкова, А. Барнаева, А. Первонцева и других наших писателей, обратившихся в годы войны к неисчерпаемой, до сих пор ни в малой мере не исчерпанной теме трудового героизма народа.

Литература военных лет прямо и бесстрашно взглянула в глаза трудной правде оборонительного этапа войны. Нелегко было литераторам, находившимся в рядах действующей армии, быть свидетелями и участниками отступлений, в результате которых враг блокировал Ленинград, подошел к Москве, а потом вышел на нижнюю Волгу и Северный Кавказ. Нелегко было литераторам, находившимся в тылу, читать сводки Совинформбюро, сообщающие об оставлении сел, деревень, городов, областей, республик. Каково было, когда, как не в эти трагические месяцы, могла бы зазвучать глухая нота обреченности, пессимизма, подавленности души?

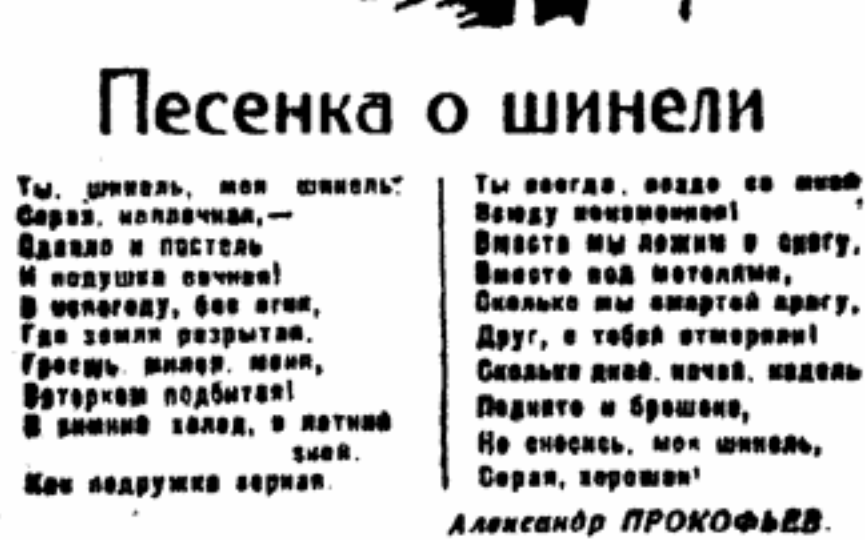
Но не прозвучали эти глухие ноты в советской литературе! Не прозвучали они на страницах газет или книг. Не прозвучали они (я уверен в этом!) и в произведениях, которые писали советские литераторы для себя, «впрок» на будущее послевоенное время. Первые публикации дневников военных лет показывают, что и в этом самом интимном жанре, когда литератор остается с глазу на глаз со своей совестью, нет и намек на пессимизм, на обреченность, на истерическую запутанность души. Непрерывной общности судьбы литературы с судьбой народа обязаны писатели тем, что, взглянув в самую глубинную военную трагедию народа, не убоились тяжести испытаний и горестей, перенесенных соотечественниками, — как душа солдата не наломалась на трудном пути долгих отступлений с оборонительными боями.

Чувство гордости за родную литературу испытывались, читая и перечитывая то, что создано было писателями всех братских народов нашей страны в военное время.

В полные скорби и горечи дни, когда под пятой «куманта» стояли Украина и Белоруссия, Молдавия и Литва, Латвия и Эстония, особенно сильно звучала в литературе этих республик — в лирике, в прозе, в публицистике — нота неустрашимой уверенности в победе. Из глубины затуманенной скорби и горестями души поэта бил яркий солнечный свет будущего дня победы.

В те дни на «железных нощах Ленинграда» звучит голос Николая Тихонова:

Наш город! В нем увидишь ты
Закалки ленинской черты,
Неиссякаемую волю.

Песенка о шинели

Листовка с «Песенкой о шинели» А. Прокофьева, изданная красноармейской газетой «Славянский воин» в 1943 году.

Триглавным пером...

С глазу на глаз

О ЖИВИТЬ силою таланта образы наших войнов, совершавших во имя Родины бессмертные подвиги на полях сражений, и тем самым зажить в новых тысячах молодых сердец огонь желания быть похожими на этих героев — одна из благороднейших целей, какую может ставить себе писатель.

В военной теме переплетаются все важнейшие вопросы нашей жизни — судьбы мира и народов, долга и любви, жизни и смерти, патриотизма и дружбы, единства партии и народа... Поистине огромная ответственность ложится на пишущих на эту тему. Книга советского писателя о войне и ее героях должна быть живой и горячей, должна быть живой и горячей мыслью и чувством. Я читал однажды письма одного погибшего на фронте офицера жене. Он писал в самый тяжелый период войны — в конце 1941 года: «Дорогая, если в моих письмах с фронта встретятся слова, которые я раньше стеснялся произносить при людях, не удивляйся. Знай, это разговор солдата с глазу на глаз со своей Родиной. Помнишь, когда мы полюбили друг друга, мы надежде не стеснялись хороших, высоких слов. Так и на фронте...» Дальше он писал о Родине, о долге, о жизни и смерти.

Это короткое письмо меня взволновало больше, чем иная объемистая книга. Оно наводило меня на мысль, что о людях войны надо писать, не боясь романтизировать их, ибо они сами были романтиками в хорошем смысле этого слова.

...В самый критический момент боя солдат закрывает своей грудью амбразуру вражеского дзота, мешающего продвижению наших подразделений. Солдат совершает высший подвиг. Но как писать о таком человеке роман, если до этого в жизни его ничего особенного не было?

Именно в таком случае я встретился, когда задумал написать роман о Герое Советского

КАЗАНЬ

А. Твардовский беседует с бойцом. 1944 г.

принципиальная разница между знаменитыми песнями Исаковского «В прифронтовом лесу» и сугубо любовно-личной песней того же поэта «Огонек»? В каком жанре можно отнести, например, поэму «Россия» Прокофьева? В ней все сливается воедино — и лирика сердца, и патетика гражданского чувства. В каком жанре — эпическому или лирическому — отнести этот пролет лебедя над испепеленной битвами землей?

Ой, не так далеко и не близко Пролетали лебеди очень низко. Пролетали лебеди, лебедки, Освещая им полет месяц тонкий. Через топи летят, через горы, Их ведет лебедина на озера. Мимо скал и полей, моря мимо... Крылья белые их пахнут дымом. Крикуют, кликуны не шумели. Крылья белые их потемнели.

Нельзя препарировать подобные стихи и песни, деля их на «личные» и «гражданские», на «лирические» и «эпические». Всякая настоящая лирика всегда личная и всегда гражданская. В той или иной степени она несет в себе если не политическое, то моральное начало. Владимир Маяковский был всегда личным и почти всегда публицистическим. Для него любая тема была личной темой, а значит, была лирической окрашена. Опыт советских поэтов в годы Великой Отечественной войны — блестящее и богатое аргументацией тому доказательство.

В годы войны, как никогда, широко и разносторонне лирическая тема пронизала не только произведения поэзии, но и лучшие произведения прозы и публицистики. Пусть вспомнят читатели «Письма к товарищу» Б. Горбатова, ленинградские дневники Н. Тихонова, печатавшиеся в «Красной звезде», повесть В. Гроссмана «Народ бессмертен», «Науку ненависти» М. Полохова.

5. ОТЛИЧИТЕЛЬНОЙ чертой литературы военных лет, резко выделяющей ее новое, советское качество, является органический, глубокий гуманизм. Интернационализм мышления советского человека освободил нашу литературу военных лет от какого бы то ни было налета повинности или национальной исключительности. Сражаясь против врага, сделавшего своим знаменем истребительный разрыв и национализм, советские писатели даже в самых сильных по выражению чувств гнева и ненависти произведениях всегда видели за спиной гитлеровских варваров Германию, которая поглотила миру великих поэтов и мыслителей гуманизма. К их памяти апеллировали мы против варварства недостойных потомков.

В дни самых суровых сражений литература наша, остающаяся против насильников и поработителей, всегда расширяла перед читателем гуманистическую цель нашей борьбы.

...И ВОТ, КОГДА в преддверии сорокалетия Советской власти оглядываюсь я на пройденный нашей литературой путь, особым светом,

похожим на вспышку артиллерийской зарницы, вспыхивает для меня литература, в особенности поэзия, времени Великой Отечественной войны. И гордо становится на сердце, и словно прибавляется сил для новой работы. Быть может, это слишком лично, быть может, потому, что мне пришлось наиболее полно выразить свои чувства именно в те дни, и именно тогда написались:

И все ясное мне, что я всегда жила для этих дней, для этого жестокого расцвета. И гордости своей не утяю, что радостью вошла

в судьбу твою, мой город, в звание твоего поэта.

Ну что же, пусть в этом отношении в литературе периода Великой Отечественной войны будет и много личного, — это лично, потому, что его никак не отделить от всеобщего. А всеобщим было то, что буквально в первые часы войны буквально вся наша литература, все ее поколение встали в ряды защитников Родины, — перо само приравнялось к штыку и загворило голосом громким, ясным, правдивым о том, что думает и чего желает народ.

Сейчас, через 16 лет оглядываясь на первые дни войны и не веря, что прошло на самом деле целых 16 лет, поражаешься и гордишься, с какой невероятной быстротой и четкостью отоблагодарила наша литература, в особенности поэзия и публицистика, и главное, на высшем художественном уровне. Несомненно, что это было подготовлено всем предыдущим ее путем, неразрывным с путем партии и народа. И эта же кровная связь с народом, который поднялся на борьбу с захватчиками, позволила советской литературе совершить тот невероятный взлет гражданской лирики и художественный, на котором она и держалась и самые тяжкие дни войны, и в дни всенародной победы.

Мне думается, что этот взлет, это особое качество литературы Великой Отечественной войны совершенно недооценено и нашими критиками, и литературоведами, не продумано как следует, не обобщено, не популяризировано — так работало? Мы-то, так, как оно этого заслуживает, а следовательно, не поставлено на идейное вооружение писателей, и в особенности нового поколения литераторов, которое существует и которое завтра придет. А сделать это необходимо, не ограничиваясь обычным перечислением военных произведений и раздачей им более или менее устаревших оценок, — нет, необходим вдумчивый, страстный, научный анализ идейно-художественного облика литературы лет Великой Отечественной войны. Поэтому, что у советской литературы военных лет был особый художественный облик, и об этом в том, что, будучи архаичной, создаваемая в условиях, когда гремели пушки и музыкальные были по всем правилам молчать, а в крайнем случае выдавать что-

творчество или окочалательно оформилось на войне или в войне возникло. То же самое можно сказать и о многих прозаиках, для которых война была временем их второго или первого рождения. Я имею в виду таких писателей, как В. Некрасов, Э. Казакевич, М. Бубеннов, В. Панова, Г. Березко, О. Гончар, П. Вершинина и другие.

Гигантская школа, пройденная писателями на войне, огромный, неповторимый материал, который ими осознан, в значительной мере оплодотворил и нашу литературу во все послевоенные годы. «Дом у дороги» А. Твардовского, романы и повести Э. Казакевича, «Белая береза» М. Бубеннова, «Спутники» В. Пановой, «Повесть о настоящем человеке» В. Ползого, «За правое дело» В. Гроссмана, «Знаменосцы» О. Гончара, «Людя с чистой совестью» П. Вершинина — это только незначительная часть лучших произведений послевоенной прозы, написанных нашими писателями на военном материале. «Счастье» П. Павленко, «Флаг над сальватеро» А. Петогонова, «Катва» Г. Николаевой — произведения, написанные в послевоенные годы, где тема защиты Отечества переплетается в тему послевоенного трудового подвига советских людей, их послевоенного бытия.

После войны написано довольно много добротных книг о воинском и трудовом подвиге народа в военные годы. Но большое, отмеченное чертами эпоса, произведение о невиданном в истории человечества подвиге нашего народа в военные годы еще не написано. И никакие наши объяснения, никакие наши ссылки на быстротекущее время или на то, что не создалась еще нужная историческая дистанция между писателем и войной, требовательный читатель в расчет не примет.

6. МНЕ КАЖЕТСЯ, что не примет хороший наш советский читатель и некоторые «новые редакции» событий военных и послевоенных лет, появившиеся в произведениях тех или иных литераторов в последнее время. Когда я с досадой читал в альманахе «Литературная Москва» рассказ А. Яшина «Рыцари», мне хотелось крикнуть автору: «Оглянись назад! Вспомни дни Сталинградской обороны, при которой ты присутствовал. Разве это была менее трудная война, чем год написания «Рыцарей»? Почему же теперь автор сильных, полных уверенности в будущем стихов той поры окунается в свиноподобную реку беспробудного пессимизма и оклеветал многомиллионный коллектив коммунистов, к которому он имеет счастье принадлежать?

Читая в «Обтябре» за прошлый год стихи Маргариты Алигер, в которых автор, повторяя с четвертьвековой опозданием давно отвергнутую «теорию живого человека», зовет искать в герою негодия и в великие подвиги, мне хотелось напомнить ей строки эпического поэмы «Зоя», где она, говоря о художнике будущего, пишет:

Он бросил дом, работу и покой. Он бился вместе с тысячами тысяч затем, чтоб возмужавшею рукой

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

ВЗЛЕТ

И вот однажды мы поймали специальную передачу, которую фашисты посвящали Ленинградскому радио. Отмечая огромное количество передающихся по радио стихов, они с самым серьезным видом утверждали, что написать это сейчас невозможно и все эти стихи были затоварилены Ленинградским радио... за три года до войны! Нелепость этого утверждения была даже не смешна, а как-то жутковата.

И нам, ленинградским писателям, никогда не забыть то доверие, того любовного внимания, с которым относились к нам и нашим произведениям бойцы и вообще все защитники Ленинграда. А сколько стихов писали они сами — защитники города и бойцы! Ленинградские газеты и радио были буквально наводнены стихами читателей. И вот этот невиданный отклик на литературу, на стихи у жестокого воюющего, голодающего населения и жажда самим говорить стихами — это тоже свидетельство духовного взлета народа.

Конечно, не только стихи ленинградских поэтов волновали ленинградцев. Очень замечательный город не был эгоистичен ни на минуту, — он жил прежде всего в состоянии всей Родины, он с великой благодарностью и радостью слушал голоса всех советских литераторов. Статьи Алексея Толстого, гневные и страстные статьи и памфлеты Ильи Эренбурга, очерки Бориса Гребнева — мы жадно впитывали их бурное, воинственное и чистое дыхание... Не забыть, как в начале сорок второго года, в тяжелой блокаде, в восторге, пришла к нам из Подмосквы «Землянка» Суркова, такая грустная и, несмотря на это, поддерживающая дух и сердце. Газеты с главами «Василия Теркина» А. Твардовского были драгоценностью, и мы, отвыкшие от слез, до слез волновались, читая эти главы. Волновало не только близкое каждому сердцу содержание, — мы испытывали высокое художественное наслаждение, которое может дать только подлинное произведение искусства, исполненное светом и правдой. А литература тех лет была сурово правдивой, бесстрашной литературой, не уклонившейся от трагического и ни на минуту не впадавшей в отчаяние или безысходность. И каждый художник вкладывал все свое в любое свое произведение, и жизнь поэта не расходилась ни с единой строчкой его стихов.

Так во время Великой Отечественной войны необычайное значение и звучание приобрела лирика, произносящая собой не только стихи, но и публицистику, и прозу, опытные-таки лирика особого типа, где личное и гражданственное слились неразрывно... Она также ожидает своего пристального и любовного изучения.

Традиция литературы Великой Отечественной войны будут обогащаться, будут вечно жить.

лицо победы из гранита высечь. В какие дали заглядывая ты, еще неведомый, уже великий? Но мы узнаем Зоны черты в откнутом, чудесном, вечном лике.

Как далеки справедливые и прекрасные слова этой декларатора художника от зовущего к браздотраву, псевдоразоблачительному пафосу стихотворения «Самое главное»? Неужели и те, и другие слова писала одна рука? Неужели год кануна Октябрьского сороклетия был тяжелее года и месяца написания поэмы «Зоя»? А может быть, дело не во времени, а в том, что душа автора постарела за эти пятнадцать лет?

Те же мысли приходят в голову, когда читаешь последние прозаические произведения К. Симонова, напечатанные в журнале «Москва» в нынешнем году. Я помню Симонова в самые горькие, самые трудные месяцы лета и осени 1941 года. Тогда мы вместе колесили по страшным дорогам фронта, стремительно откатывающегося в Москву. Тогда мы вместе сидели. Я помню тогдашнего Симонова, рывавшего огромной внутренней собранностью, умением взглянуть сквозь страшное в лицо будущему, умением и способностью не потеряться и не растеряться в самом чудовищном беспорядке тогдашних отступлений. И вот, в год Октябрьского сорокалетия, умудренный годами и опытом, Симонов возвращается к своим военным героям и начинает дребезжащим голосом брызгать вокруг до неправдоподобности полного полкового комиссара Батракова, вокруг подорвавшихся на моральных минных комматов и комбатом, озадачивая читателей многозначительными намеками.

Читаешь все это, и думаешь — отчего? Оттого ли что в недавние времена было на некоторых писателях «спотрище» такое и не удержался человек и, чтобы «не отстать от века», бухнул ложку дегтя в бочку меда истории, или идет это тоже от преждевременного постарения души? Жаль. И горько тоже и обидно.

И хочется многих моих знакомых, не избежавших «спотрища» 1936 года, схвативших насморк в пору известной «оттепели», пригласить к путешествию в их недавнее прошлое, в военные годы их жизни. Пусть они там встретятся с авторами «Жди меня», «Улей его», «Зол», с авторами «Звезды», «Пахения Парижа» и многих до сих пор живых произведений нашей литературы тех лет. Может быть, эта встреча с хорошими ребятами пахнет на них освежающим востром молодости?

Славная страница истории нашей литературы, написанная кровью тысяч честных сердец, ко многому обязывает в нашей сегодняшней работе. Людям, прошедшим через океаны слез и крови и оставившим льды, стыдно будет вывихнуть шею, споткнувшись на арбузной корке занесенного ивие дешеребного селеса.

Помещенные в номере фотоснимки публикуются впервые: они взяты из Центрального государственного кинофотофонотекария СССР и Государственного литературного музея.

П. Павленко читает бойцам свой очерк. Крымский фронт, 1942 г.

Салам КАДЫРЗАДЕ

Освободители

ВО ВРЕМЯ войны наша часть оказалась далеко за пределами Родины. В Польше, Румынии, Чехословакии, Германии — всюду, на каждом шагу мне приходилось видеть примеры высокой культуры советских войнов.

Помню такой эпизод. В румынском городе Ясы позиции наших и вражеских войск разделяла широкая улица. На крыше одного из домов по ту сторону улицы укрылся снайпер, причинивший нам немало хлопот. С этим снайпером можно было поконить одним разом, с помощью артиллерии. Но тогда пришлось бы разрушить здание, где размещались штаб и искусство. Командир принял иное решение: ночью «в гости» к снайперу отправившись разведчики, захватили его и доставили в наше расположение.

Сколько исторических памятников, культурных ценностей, библиотек и учебных заведений спасли советские войны! После бесчинств и грабежей, которые уносили фашистские варвары, гуманизм и культура наших солдат особенно бросались в глаза местным жителям.

В небольшом силезском городке Бунишля, где похоронено сердце М. И. Кутузова, есть памятник великому полководцу. Сразу же после освобождения городка советские бойцы занялись сугубо мирным делом — стали приводить в порядок дорогой их сердцу памятники: сособили гравь, посадили у его подножия цветы.

Подобных примеров множество. Они хорошо известны всем участникам Великой Отечественной войны. Я видел, как сердечно встречало население городов и сел освобожденных от фашистского ита стран наши войска, с каким уважением относились там к советским бойцам. В их лице жители этих стран видели освободителей и людей новой высокой культуры, представителей подлинной цивилизации.

После войны эта тема звучала в литературе — и с немалой силой. Потом, когда война становилась прошлым, об этом писали меньше. Не забывать этой темы, возвращаться к ней, художественно полноценно воплощать эту большую и благородную тему советской литературы!

лицо победы из гранита высечь. В какие дали заглядывая ты, еще неведомый, уже великий? Но мы узнаем Зоны черты в откнутом, чудесном, вечном лике.

Как далеки справедливые и прекрасные слова этой декларатора художника от зовущего к браздотраву, псевдоразоблачительному пафосу стихотворения «Самое главное»? Неужели и те, и другие слова писала одна рука? Неужели год кануна Октябрьского сороклетия был тяжелее года и месяца написания поэмы «Зоя»? А может быть, дело не во времени, а в том, что душа автора постарела за эти пятнадцать лет?

Те же мысли приходят в голову, когда читаешь последние прозаические произведения К. Симонова, напечатанные в журнале «Москва» в нынешнем году. Я помню Симонова в самые горькие, самые трудные месяцы лета и осени 1941 года. Тогда мы вместе колесили по страшным дорогам фронта, стремительно откатывающегося в Москву. Тогда мы вместе сидели. Я помню тогдашнего Симонова, рывавшего огромной внутренней собранностью, умением взглянуть сквозь страшное в лицо будущему, умением и способностью не потеряться и не растеряться в самом чудовищном беспорядке тогдашних отступлений. И вот, в год Октябрьского сорокалетия, умудренный годами и опытом, Симонов возвращается к своим военным героям и начинает дребезжащим голосом брызгать вокруг до неправдоподобности полного полкового комиссара Батракова, вокруг подорвавшихся на моральных минных комматов и комбатом, озадачивая читателей многозначительными намеками.

Читаешь все это, и думаешь — отчего? Оттого ли что в недавние времена было на некоторых писателях «спотрище» такое и не удержался человек и, чтобы «не отстать от века», бухнул ложку дегтя в бочку меда истории, или идет это тоже от преждевременного постарения души? Жаль. И горько тоже и обидно.

Иван ШАМЯКИН

МЫ ПРИШЛИ СВОИНЫ

ОНАШЕМ поколении писателей принято говорить: «Они пришли в литературу после войны». Мне думается, более правильно говорить так: «Они пришли в литературу с войны». Да, мы пришли с фронтов Великой войны, которую народ назвал Отечественной. Один — с погони солдат и офицеров, другие — с красными ленточками партизан. Многие из нас были молодыми и неопытными в литературе. И все же, несмотря на это, мы с удивительной смелостью приняли за большие произведения о войне. Вопреки старому утверждению о том, что прозаик вырастает год за годом, а со временем — сорока пяти, у многих из нас, хотя нам было едва по двадцать пять лет, родились произведения, признанные читателями. Так было у Янки Брыля, Олеса Гончара, Ивана Мележа и многих других. Успех произведений молодых писателей о военных подвигах народа объясняется тем, что авторы их за четыре года ожесточенной битвы с фашизмом много увидели, много пережили, передумали, осмыслили. Война была жестокой, но вместе с тем великой школой — мы познавали жизнь и человеческие характеры в самых драматических, до конца раскрывающих души людские ситуациях. Этот драматизм событий как бы облегчал задачу молодых писателей. Исключительно яркие по своему героизму поступки солдат, офицеров, народных мстителей стали основой острых сюжетов. Мы писали о том, что видели своими глазами или слышали от очевидцев.

Я не был в партизанах. Но мысль написать о героизме народных мстителей появилась у меня при первом же встреч с ними. Почти все эпизоды, помещенные в основу моего романа «Глубокое течение», рассказаны мне близкими, друзьями — участниками партизанского движения. Они же попустились прототипами героев. Часто на встречах, на читательских конференциях мы слышим от молодежи, от школьников: «Нашишние о войне». Просьба эта идет не от того, что наше молодое поколение привлекает война. Нет. Их привлекает тот исключительный героизм, то благородство души, которое так ярко проявляли советские люди на войне. Этот героизм — неиссякаемая тема литературы. И многие писатели еще не раз вернутся к ней.

Лишь я ближайшии годы хочу отдать работе над романом о подпольщиках периода Великой Отечественной войны. В белорусской литературе много написано о тех народных мстителях, которые находились в лесу, были организованы в партизанские соединения, но очень мало произведений о тех, чьих безымянных героев, которые вели борьбу с оккупантами в городах, на железнодорожных узлах, в лагерях военнопленных. Написать об этих патриотах — моя мечта!

МНИСК

лицо победы из гранита высечь. В какие дали заглядывая ты, еще неведомый, уже великий? Но мы узнаем Зоны черты в откнутом, чудесном, вечном лике.

Как далеки справедливые и прекрасные слова этой декларатора художника от зовущего к браздотраву, псевдоразоблачительному пафосу стихотворения «Самое главное»? Неужели и те, и другие слова писала одна рука? Неужели год кануна Октябрьского сороклетия был тяжелее года и месяца написания поэмы «Зоя»? А может быть, дело не во времени, а в том, что душа автора постарела за эти пятнадцать лет?

Те же мысли приходят в голову, когда читаешь последние прозаические произведения К. Симонова, напечатанные в журнале «Москва» в нынешнем году. Я помню Симонова в самые горькие, самые трудные месяцы лета и осени 1941 года. Тогда мы вместе колесили по страшным дорогам фронта, стремительно откатывающегося в Москву. Тогда мы вместе сидели. Я помню тогдашнего Симонова, рывавшего огромной внутренней собранностью, умением взглянуть сквозь страшное в лицо будущему, умением и способностью не потеряться и не растеряться в самом чудовищном беспорядке тогдашних отступлений. И вот, в год Октябрьского сорокалетия, умудренный годами и опытом, Симонов возвращается к своим военным героям и начинает дребезжащим голосом брызгать вокруг до неправдоподобности полного полкового комиссара Батракова, вокруг подорвавшихся на моральных минных комматов и комбатом, озадачивая читателей многозначительными намеками.

Читаешь все это, и думаешь — отчего? Оттого ли что в недавние времена было на некоторых писателях «спотрище» такое и не удержался человек и, чтобы «не отстать от века», бухнул ложку дегтя в бочку меда истории, или идет это тоже от преждевременного постарения души? Жаль. И горько тоже и обидно.

И хочется многих моих знакомых, не избежавших «спотрища» 1936 года, схвативших насморк в пору известной «оттепели», пригласить к путешествию в их недавнее прошлое, в военные годы их жизни. Пусть они там встретятся с авторами «Жди меня», «Улей его», «Зол», с авторами «Звезды», «Пахения Парижа» и многих до сих пор живых произведений нашей литературы тех лет. Может быть, эта встреча с хорошими ребятами пахнет на них освежающим востром молодости?

Славная страница истории нашей литературы, написанная кровью тысяч честных сердец, ко многому обязывает в нашей сегодняшней работе. Людям, прошедшим через океаны слез и крови и оставившим льды, стыдно будет вывихнуть шею, споткнувшись на арбузной корке занесенного ивие дешеребного селеса.

Л. Гайдар перед отъездом на фронт, 1941 г.

НАСТУПЛЕНИЕ НОВОЙ ЭРЫ

Хьюлетт ДЖОНСОН

МИРОВАЯ история знает мало периодов, которые можно было бы сравнить по их значимости с периодом 1917—1957 гг., когда осуществилась мечта прогрессивных мыслителей всех времен. Прошедшие сорок лет были свидетелями того процесса объединения людей в высокоорганизованную систему, которую мы называем социализмом, — систему, являющуюся одновременно и научной, и нравственной, и эффективной.

В годы, предшествующие 1917 году, трудно было признать нравственную природу человека с жестоким эгоизмом, царившим в промышленном и торговом мире, с той непрерывной борьбой, которая шла во всех сферах производства; трудно было мириться с тем, какую незначительную роль играла наука в организации производства.

Социализм с его плановой экономикой, коллективной собственностью на средства производства и девизом: «От каждого по способностям, каждому по его труду», и коммунизм с его еще более высоким моральным принципом: «Каждому по его потребностям», — этот путь, указанный человечеству, был отвергнут в старом обществе и объявлен «прекрасной мечтой», однако совершенно неосуществимой, — «такова уж человеческая натура».

Затем наступил 1917 год, и Россия — страна, которая, как тогда казалось многим, менее, чем любая другая, могла рассчитывать на успех, — предприняла смелую попытку проверить идею социализма на практике.

Вместе с другими я приветствовал Октябрьскую революцию и с тех пор слежу за неослабевающим, захватывающим интересом за тем, как осуществляется этот величайший эксперимент в мировой истории.

Тогда это была только вера в успех. И эта вера полностью подтвердилась дальнейшим ходом событий.

Все социалистическое движение было встречено недобрым западной прессой и вооруженной интервенцией западных армий. Презрительные насмешки сопровождали предсказаниями близкого краха. «Прекрасные правители скоро вернутся». «Очевидно» красноречиво рассуждали о провале одного пятилетнего плана за другим и так далее, и так далее. В 1941 году на Западе заявляли, что Красная Армия настолько слаба, что «нацистские армии пройдут через нее, как нож сквозь масло». Линдберг сообщал, что русская военная авиация ничтожна; еще пять недель, и Россия потеряет поражение.

Однако новое социалистическое государство, с его плановым хозяйством, не потеряло поражения. И доблестная Красная Армия не была разбита в пять недель.

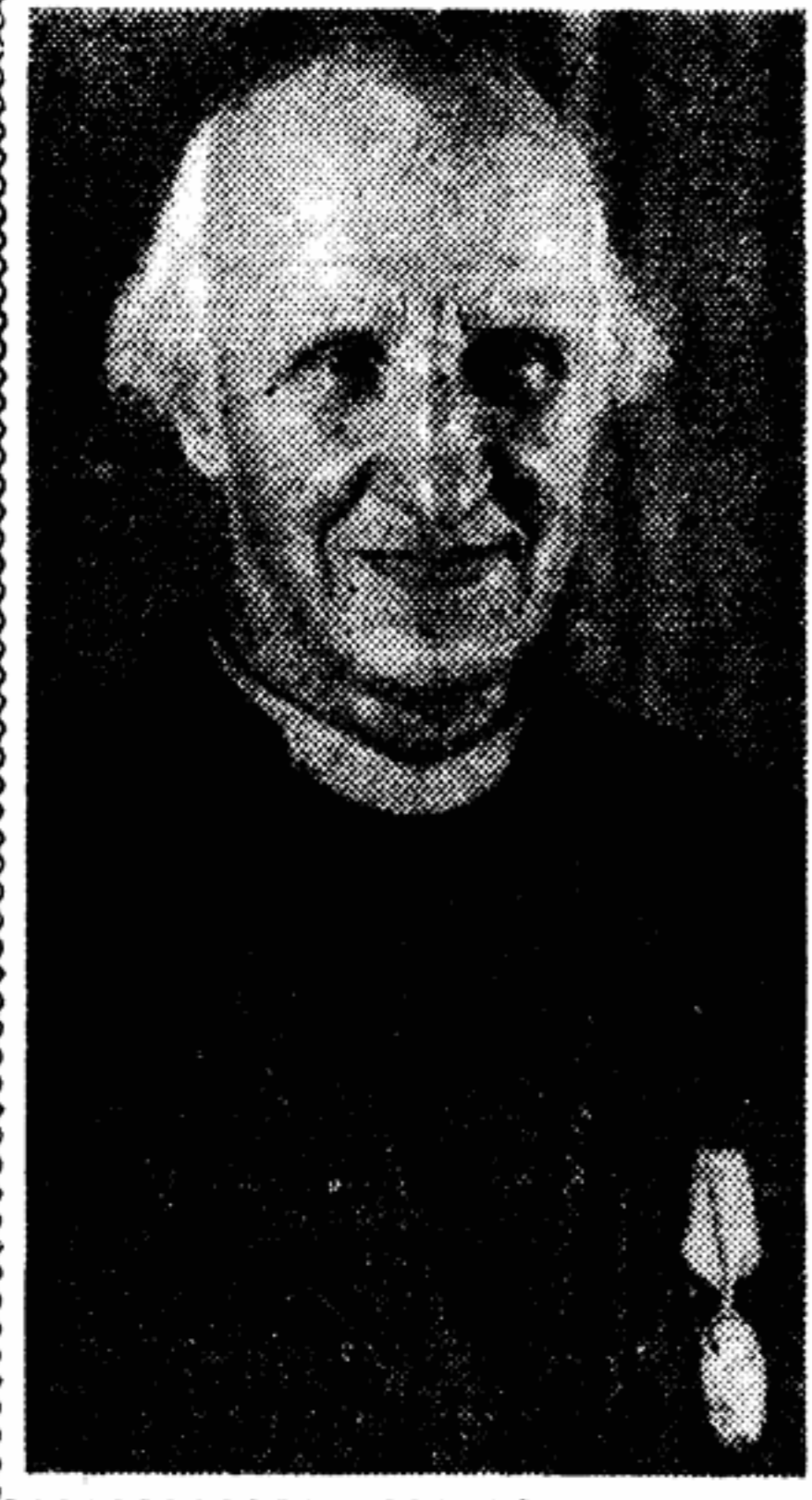
С прозорливостью, неодолимой храбростью и необычайной самоотверженностью Ленин и его отважные соратники, а после него Сталин и многие другие продолжали великое дело. Были допущены ошибки, иногда — трагические ошибки. Совершились злые дела. Но ками времена были злыми, и опасности подвергались со всех сторон. Большая доля вины за свершившееся зло следовало бы отнести за счет тех государств, которые окружали молодую страну социализма и с самого ее рождения прилагали отчаянные усилия, чтобы уничтожить ее. Как сказал Черчилль «лучше убить старую курицу, чем дать цыплятам разбежаться по всей Европе».

«Старая курица» не была убита, и «цыплята» социалистических идей разбежались теперь не только по всей Европе, но и по всему белому свету.

Год за годом, несмотря на все препятствия и атаки, Советское государство набирало силы, пока оно не встретилось с олицетворенной в Гитлере всей военной мощью Запада, в самых ее высокоразвитых и бесчеловечных формах. Встретилось и сокрушило ее. Горюя опять словами Черчилля, «Красная Армия вырвала нутро из германской военной машины».

Советская Россия продолжала свой путь, по-прежнему стремясь только к миру.

Но Запад твердо решил не давать ей покоя. Снова забирая оружие, «Холодная война сломит

Хьюлетт ДЖОНСОН — видный английский прогрессивный общественный деятель, родился в 1874 году. Оставил профессору инженеру, он с 1904 года посвятил себя деятельности в англо-американской церкви. С 1931 года он — настоятель Кентерберийской собора.

Хьюлетт Джонсон — давний и убежденный друг советского народа. Сразу после Октябрьской революции он осудил антисоветскую политику английских правящих кругов. Когда гитлеровская Германия начала агрессивную войну против Советского Союза, Джонсон выступил с брошюрой под названием: «22 июня 1941 года Гитлер подписал себе смертный приговор».

С 1950 года Джонсон — член Всемирного Совета Мира. Он принимал участие во многих конгрессах мира. Джонсоном написано большое количество статей и книг о Советском Союзе, о котором он неизменно отзывался с большой теплотой и уважением.

Ниже мы публикуем статью Хьюлетта Джонсона, написанную им для «Литературной газеты».

экономику России — такова была невысказанная надежда врагов.

И снова они просчитались. Советское хозяйство выдержало напряжение, к этому времени рабочий класс СССР во всеоружии знаний приступил к активным действиям. Ибо одна из самых разумных и в то же время самых высокоморальных задач советской экономики состояла в том, чтобы всем детям, независимо от расы и пола, было дано образование, благодаря чему все они смогли в полной мере раскрыть свои потенциальные возможности и пользоваться всеми благами жизни.

Успехи советской политики в области народного просвещения проявились в моральной сфере. Это — советская хартия свободы, свободы образованного разума. Естественно, что советский рабочий класс, обогащенный знаниями, может теперь двигаться дальше, и новым свободам, которые не были возможны в ранние годы напряженной борьбы с внутренними и внешними врагами.

Но более того, технически грамотный рабочий класс СССР — по числу студентов Советский Союз в несколько раз превосходит и Англию, и США — доказывает свою подготовленность к таким научным и техническим достижениям, которые Запад никогда не считал возможными.

Запад хвастал своей атомной бомбой. Советский Союз создал свою бомбу и потребовал уничтожения всех бомб. А когда Запад ответил на это созданием водородной бомбы, Россия с неожиданным успехом и в невероятный короткий срок создала свою водородную бомбу и снова потребовала уничтожения всех бомб и прекращения их испытаний.

Запад окупил Россию авиационными бомбами, считая себя неуязвимым. Однако Россия производит теперь такие орудия, при помощи которых, как она утверждает, можно сбросить водородные бомбы на любой город любой страны мира. Нью-Йорк теперь столь же уязвим, как и Лондон, которым США годны были пожертвовать, превращая Англию в свою авиабазу. Но Советский Союз по-прежнему стремится к запрещению всех видов оружия массового уничтожения.

Весь мир видит возникшее перед ним моральное чудо, в корне изменившее положение трудящихся, освобожденных их от экономической эксплуатации, — в социалистических государствах нет классов, которые жили бы трудом пролетариата; законом их жизни является девиз: «Все за одного и один за всех».

Весь мир видит равенство в отношениях между разными национальностями, в социалистических странах нет расизма, который позорит также «передовые» страны мира, как США и Южная Африка. Не цвет кожи, а человек, который скрывается под этой кожей, — вот что имеет значение.

Мир видит, что социалистический сектор оказывает бескорыстную помощь странам, нуждающимся в ней. — Не только социалистическим, как Китай, но и другим, таким, как Индия, Сирия, Афганистан или Непал. Помощь эта дает им возможность развивать собственную промышленность, а не эксплуатировать свои природные богатства для того, чтобы на них нависали иностранные монополии, богатели

местные феодалы, а сами эти страны оставались такими же отсталыми.

Прошлое лето мы с женой и двумя дочерями путешествовали по Средней Азии, Китаю и Монголии. Поездка эта была для меня подлинным откровением размаха и мощи социализма. Мы побывали в Казахстане в 1954 году, когда поднималась земля, — эта кампания рассматривалась английской печатью как символ полного краха. Мы снова посетили Казахстан осенью 1956 года и убедились в замечательном успехе этого дела.

Во время полета над Западной Китаем мы увидели большой новый нефтяной промысел Карамай, который с великодушью и бескорыстием помогает русским инженерам разрабатывать ускоренными темпами. Что за прекрасный народ! Мы встречали их во всех уголках Китая — на крайнем Западе, в Центре, на дальнем Востоке, они давали технические консультации и по строительству железных дорог и мостов, и по добыче нефти, и по гидроэлектрическим сооружениям, и слушали их внимательные, способные ученики; вот моральный пример, который может совершенно пристыдить Запад, с его эксплуататорской деятельностью в странах, подобных Китаю.

Нет ничего удивительного, что эта высокая мораль порождает горячее желание мира. Первым законодательным актом Октябрьской революции был Декрет о Мире. С этого дня и понинее Советский Союз стоит за мир, трудится во имя мира и разоружения и настоятельно призывает все страны использовать исключительно в мирных целях огромные резервы энергии, возникшие в результате расщепления атома.

Эта моральная борьба за мир, ведущая борьбу за мир, должна означать здоровую экономику, и поэтому 40 лет социализма смогло полностью преобразить отсталую, неграмотную Россию, и это было сделано такими темпами, которые недоступны ни одной капиталистической стране.

Какая другая страна может сказать, что она обеспечивает образование каждому ребенку, каждой национальной группе до 17-летнего возраста; что она оказывает такую тщательную бесплатную медицинскую помощь, окружает такой заботой мать и дитя? Какая другая страна может похвастаться более чем трехлетним опытом мирного промышленного применения атомной энергии?

Все эти достижения оказывают глубочайшее воздействие на мир. Самой, может быть, великой заслугой Октябрьской революции является глубочайшее влияние и сила новых идей, которые она распространяла и продолжает распространять во всем мире.

Это особенно ошутимо сейчас, в нашу эру непрерывного роста цен и угрозы инфляции. Мужчины и женщины слышат больше, прислушиваются и голосу логики, говорящему о существовании, теперь, когда империя гают, а капитализм дает трещины.

Сплоченный, дружественный, идущий от успеха к успеху, мир социализма, который сумел пережить все удары и потрясения, все яснее и яснее вырисовывается перед народами, несмотря на дымовые завесы капиталистической печати, и провозглашает наступление новой эры.

Лондон

И. ГРИБАЧЕВ

ВОКРУГ СПУТНИКА

ЕСЛИ БЫ все рассуждения, мысли, споры, предположения, фантазии, политические, финансовые и военные спекуляции, связанные со спутником Земли, обладали хоть как-нибудь физическим весом, «маленькая луна» давно стала бы тяжелее большой и меняла бы уровень приливов от Ледовитого океана до Тасманова моря. Один иностранный корреспондент, имея в виду реакцию прессы и общественного мнения на это событие, сказал: «Уже не поймешь, кто вокруг кого вращается — спутник вокруг нас или мы вокруг спутника?».

В первые дни после запуска Атлантическое побережье было приковано полой урагана, прошедшего где-то севернее, небо колыбалось и пучилось серым тестом облаков, в улицах бесновался ветер, пытаясь соревноваться с воетом полицейских машин. Всплывал холодный дождик. Понятно, что при таких условиях Нью-Йорку «бэби-луну» вочью не видели. Но в поле ее фантастически разросшихся гравитационных сил попали все американцы на широчайшем плацдарме от обязательной кухни до Уолл-стрит, от «забавловки», где не снимают мюккис палатки и шпалы, пролетают сандвич и чашку кофе, до высоких сфер Вашингтонского Белого дома. Не осталась ни одной области американской жизни, не затрянутой тем или иным образом в орбиту «моосковского небесного тела».

Первой реакцией Америки на запуск советского спутника было потрясение, которое имело двойной подтекст: «Вот это да!», и: «Они нас обогнали!». У рядовых американцев преобладающим чувством было восхищение и удивление, у политических кормчих и рулевых — растерянность и досада. Эти последние даже на вторые сутки, когда советская «бэби-луна» уже сделала около тридцати оборотов вокруг Земли, не нашли ничего лучшего, как выставить свой спутник на обозрение нежелующих в холле новостей при Нью-Йоркской газете «Дейли Ньюс». Что означал этот разразившийся американской газетой жест? Попытку «перенести внимание»?

Мы тоже зашли туда. Сменяясь толпами группы американцев возле ниши с небольшим шаром из стали: поменялись — американский спутник, носивший гордое название «Авангард», отскрикнул в сорок второй улице Нью-Йорка, а советский с помощью стилизованной рукоятки мчался в небо; машина рукой или появив плечами, отходила, чувствуя себя обманутой, — заставившая на старой сцене американская пропаганда обещалась родить летающего слова, а разрешилась от бремени...

Конкретные определения каждой формулировке «яро себя». Газета, на которую еще не опустели политический пресс-так как в субботу и воскресенье, 5 и 6 октября, госдепартамент не работал, продолжая выходить с ренсационными заголовками во всю ширь первой страницы. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» иронизировал: «Вскоре вечерней или утренней звездой Соединенных Штатов будет крикая звезда, сделанная в Москве». Маргарита Хиггинс в статье «Не русские ли изобрели бэбибол?» выразила удовлетворение, что в первый день запуска американское правительство утонуло и это дало возможность американским ученым первыми и искренне поздравить советских коллег с успехом: считала, что было бы как раз вовремя, если бы на эту позицию стали и политики; высмеивала тех, кто в свое время не верил в русские межконтинентальные бомбардировщики, в атомную бомбу, в баллистическую ракету. Изобретению бэбибола она оставала американский приоритет.

Затем начали приходить в действие организационные силы американской политики и экономики. Некоторые ученые еще поражаются «фантастическому весу» советского спутника, который в девять раз больше запланированного американцами, но директор правительственной лаборатории поспешил заявить, что советский спутник уже снижается. Конечно, через несколько часов эта версия разделала обычную судьбу мыльного пузыря. Начались бурные нападки на правительство США за то, что оно расторопиво производством ракет по разным ведомством расплыло силы из-за интриг бизнеса и проиграло. По наиболее важным мотивам в эту атаку включились демократы, по мотивам ущемленного самолюбия — чать прессы и публики.

По коридорам ООН крейсировал озачоченный Кэбот Лодж.

Когда его спросили, как он относится к запуску советского спутника, он отговорился, так сказать, своим полным научным невежеством и отвечать отказался. Зато пополнил и даже начал просачиваться в печать слухи, что Лодж провел двухчасовое совещание спутников, вращающихся вокруг его собственной персоны, для выработки общей резолюции против советского спутника; что американский блок попытается потребовать международного контроля над запуском спутников под предлогом безопасности — сработала старая страсть контролировать все, что выгодно американцам. При этом Кэбот Лодж упустил из виду, что если проблему запереть ядерных испытаний американский блок задал в «подпункте Д» пункта 24», то поэлементарной логике и законам английского алфавита, которым пользуется и мистер Лодж, попытка контролировать средства запуска могла бы оказаться в «подпункте Е» пункта 24». Логика в действиях Лоджа не было, но мыслимо ли было же и требовать в такой сумятице?

Тем более, что на глазах у всех стала разламываться, как подтаявший под апрельским солнцем лед, американская политика «с позиции силы». Белый дом заявил, что в программе США все остается по-старому. Это надо было понять так: старое остается потому, что нет убедительного нового. Хаген, один из крестных отцов американских ракет, подсуетился госдепартаменту, заявив, что «американские опыты построены на более научной основе, чем советские». Все отменили его мудрость и благоразумие, поскольку он все же удержался от утверждения, что советские ученые забросили свой спутник с помощью лука или что его туда забросил футбольного поля Эдуард Стрельцов.

Затем поступило сообщение об интересном Н. С. Хрущеву американскому корреспонденту Дж. Рестоу. Это прежде всего обеспокоило генералов от авиации и монополистов, связанных с производством самолетов, поскольку бомбардировщики начали претендовать на роль музейных экспонатов, это также вывало последние подпорки из-под политики «с позиции силы» и обрело на бесплодные огованные маневры Кэбота Лоджа.

Передавая заявление безмянного делегата ООН, который считает, что в сложившейся обстановке самой неотложной проблемой является проблема разоружения, Джозеф Лаш писал в «Нью-Йорк пост»: «Было бы чудесно, если бы президент Эйзенхауэр прибыл на Ассамблею, поздравил русских с их достижением и провозгласил, что в интересах выхода из тупика по вопросу о разоружении США готовы принять безоговорочное прекращение испытаний термоядерного оружия». Другой корреспондент, занимавшийся подсчетом, заявил, что с помощью временных ракет можно в несколько минут уничтожить жизненные центры США и что, жале

Таким образом, спутниками советского спутника с первых часов его вступления в межпланетную семью стали, с одной стороны, обломки американской политики силы, а с другой — непрерывно нарастающее в мире требование прекратить гонку вооружений. Несомненно, человечество с удовлетворением встретит такие результаты удивительного путешествия «бэби-луны». Пусть старая луна работает на любительных и поэтов, пусть раскачивает воду в океанах, — новая тоже делает свое великое дело, не только обогащая сокровищницу мировых научных познаний, но и порождая все нарастающий прилив миролюбивых сил и оптимистических надежд в человечестве.

В орбиту спутника Земли заглянул Уолл-стрит. Еще накануне одна из газет писала: «Советским проиниковали на Нью-Йоркскую биржу, и это было не более как фантастическим комиксом. Теперь это стало правдой, хотя и в совсем ином смысле: под влиянием советского спутника Земля акции 812 компаний сталелитейной, машиностроительной, химической и других отраслей промышленности пополнили в кювет и только за один день обеспечились на два миллиарда семьсот миллионов долларов. Исходя из опубличованной нормы американских ассигнований, это была стоимость девятнадцати спутников Земли! Потери были бы еще больше, если бы они не компенсировались повышением курса акций компаний, связанных с производством ракет, управляемых снарядами и реактивного горючего.

Поскольку советский спутник взлетел, а американский лежит в холле газеты «Дейли Ньюс», его на бирже из «Авангарда» переключили в «Арбергард», а соответствующие акции назвали «арбергардийскими». К вечеру для них появилось еще одно название: «Акции голубой луны», словно биржа ее финансово лихорадочно решила преобразовать в секцию позтов-лириков.

Одна из газет, разжигая страсти, ошарашила читателей заголовком: «Кто первым захватит луна?». А один практичный американец из-под Чикаго, предпочтя луна земную частную собственность, заявил в печати: «Я не давал права СССР на полет спутника через мою территорию и протестую!». «Территория» его состоит из маленького участка, на котором не развернуться даже трактору «Челобинек». Потом выяснилось, что он еще в 1948 году подал в полицию меморандум, на основании которого весь небесный свод над своей усадьбой, до самых отдаленных глубин Галактики, считал личной собственностью...

Поднялся переполох в области «американской психологии» и образования. Сенатор Джонсон назвал русское достижение «сокрушительным ударом по престижу Соединенных Штатов в области промышленности, науки и техники». Руководитель американского Института физики Элмер Хатчисон, отметив, что в СССР педагоги и научные работники пользуются высоким авторитетом и уважением, сказал: «...Молодежь нашей страны надо учить, чтобы она осознала важность науки, иначе американский образ жизни будет обречен на быстрое исчезновение... Обозреватель газеты «Крисчен сайенс монитор» сформулировал четыре причины, по которым наука в СССР преуспеет: освобождение советского мышления в области естественных наук; общий оптимистический подход; сосредоточение программы в далих прививы подтягивать посяса и экономить деньги для нужд обороны. За ремонт «спутник» силы теперь ваялись всевозможные политики, экономисты и пропагандисты...

При всем этом самым последним, если судить по его поведению, узнал о советском спутнике Землю председатель двенадцатой сессии Генеральной Ассамблеи ООН господин Мурно — много после того, как о нем уже говорили в дебрях Африки и как его наблюдали аборигены в Австралии. На предыдущих заседаниях господин Мурно предложил почтить память короля Хокона и композитора Яна Сибелюса. Это было хорошо и достойно. Но не менее достойным было бы для председателя столь представительного собрания отметить на Ассамблее запуск искусственного спутника — одно из самых выдающихся достижений человеческого гения, начало новой эры человеческих познаний и возможностей.

Факты есть факты. Нью-Йорк. 14 октября. (По телефону).

хе, поднятой в Нью-Йорке запуском советского спутника, кончалась первая неделя его полета вокруг Земли. В ООН в это время жизнь текла своим чередом. Делегаты горячо, но не слишком громко обсуждали это событие в кулуарах, поздравляя советских представителей, делали предположения, что «у Хрущева в рукаве есть еще что-то». С хорошо мотивированной речью в конце отбивая дискуссии выступил делегат Сири Салах Битар. Оперирова неэтичными фактами, он разорвал створки даллессовской политики, показав, что за ними скрывается не жемчужина человеческой и миролюбивой, а бульварный колониализм.

В Комитете по социальным, гуманитарным и культурным вопросам, в связи с обсуждением чехословацкой резолюции о расширении культурного и научного сотрудничества, выступила советская представительница З. В. Миронова, уличившая американских представителей в подтасовке фактов. Английский делегат тут же выступил с оборонительной речью, но заявил, что поддержит резолюцию. Против культурного и научного обмена выступил гоминдановец. Его легко понять — никто о культурных и научных подвигах на Тайване не слышал, да и вряд ли найдется хоть один порядочный человек, который станет связываться с этой американской политической бородавкой. Что касается самой резолюции, то ее огромное значение для мировой армии работников культуры и науки очевидно — в двадцатом веке смешны столпники и затворники. Не отрицая, а предполагая национальную форму и престиж современной культуры и науки имеет тенденцию ополкаться земной шар. Очевидно, не слишком разбираясь в существе дела, американский профессорный босс Джордж Минни, выступая по этому вопросу, пытался пролить крокодильи слезы по поводу «железного занавеса» в СССР, но был со страниц газет уличен во лжи Элеонорой Рузвельт, заявившей в своей статье, что «железный занавес» находится не в Советском Союзе, а в Америке. Так Джордж Минни, выражаясь метафорически, получил две пощечины в один день...

В Политическом комитете Кэбот Лодж, как и ожидалось, внес предложение, которое сейчас изучается делегатами. В журналистских кругах считают, что в нем скрыта тенденция запретить межконтинентальные ракеты, но оставить возможность возить бомбы с американских баз на «летающих крепостях».

С большой речью, посвященной вопросу разоружения, выступил советский министр иностранных дел А. А. Громыко. Затем перуачел Белаунде, как будто пропавший всю эту неделю в уютном коридоре при зале заседаний, отбарабанил в тысячный раз американские планы воздушного фотографирования, как говорится, прислонил мундир к стене. В двенадцать часов 11 октября выяснилось, что желающих выступать нет и надежды на конкретные решения по разоружению вместе с западными делегатами уехали отдыхать на загородные дачи и развлекаться в театрах на Бродвее... Обсуждение этих наиболее вопросов продолжали лишь миллионы людей во всех концах земного шара — ежесочно и каждодневно.

Но вернемся к спутнику Земли. К концу первой недели и началу второй появились все признаки того, что американской пропаганде удалось, наконец, мобилизовать свои силы: сообщения о спутнике, за редким исключением, сошли с первых страниц американских газет и уступили место схемам спутника американского, а общественное мнение начало упорно подталкиваться на путь военного психоза: вооружаться!... Кое-где в прессе раздалась прививы подтягивать посяса и экономить деньги для нужд обороны. За ремонт «спутник» силы теперь ваялись всевозможные политики, экономисты и пропагандисты...

ЗАКОРЕННЫЙ ПЕССИМИСТ — А я не верю в это, а этого вовсе и не может быть... Рисунок худ. Бейера-Ред на немешной газете «Небс Дейчланд»

если американцы догонят русских, это не улучшит их настоящего положения, так что надо разоружаться.

Тогда, заметив что американское общественное мнение круто поворачивает в русло озоружения и миролюбия, президент Эйзенхауэр, подогревая оптимизм американцев, заявил, что уже в декабре США запустят своего спутника, хотя и без «сложной аппаратуры». Это, по мнению многих, был срочный «варийный ремонт «позиции силы». Психологический его эффект, однако, равнялся попытке сделать брешь в плотине с помощью медицинский пластыря...

Самый факт переписки между столь далекими друг от друга странами, и по социальному положению корреспондентами, — факт, представляющийся на первый взгляд исключительным, служит красноречивой иллюстрацией всеобщности идеи, выраженной этой переписке. Эта идея, все более овладевающая человечеством, заключается в том, что люди не должны позволить использовать величайшее открытие науки для уничтожения жизни и материальных богатств, что преступную руку поджигателей войны нужно во что бы то ни стало остановить.

М. М.

Вот почему я говорю так».

Самый факт переписки между столь далекими друг от друга странами, и по социальному положению корреспондентами, — факт, представляющийся на первый взгляд исключительным, служит красноречивой иллюстрацией всеобщности идеи, выраженной этой переписке. Эта идея, все более овладевающая человечеством, заключается в том, что люди не должны позволить использовать величайшее открытие науки для уничтожения жизни и материальных богатств, что преступную руку поджигателей войны нужно во что бы то ни стало остановить.

М. М.

В ЭТОМ ОНИ СОГЛАСНЫ

ПЕРЕД нами два письма: взволнованное и искреннее обращение 18-летнего японского учащегося Тадаки Танигучи к американскому промышленнику в финансы Сайрусу Итону и ответ последнего своему необычному корреспонденту. Фотокопия письма Тадаки Танигучи и текст ответа Сайрусу Итону были опубликованы газетой «Канавада пресс». В своем письме Тадаки Танигучи признается, что он не раз обращался к помощи англо-японского словаря, чтобы выразить свои мысли. Но тем не менее ему удалось найти волнующие, убедительные слова для передачи своих чувств и чувств миллионов своих соотечественников, как молодых, так и старых.

Вот выдержки из письма Тадаки Танигучи:

«Я ученик средней школы, который желает вечного мира и глубоко осознает высокие цели, руководящие человеком...»

Сегодняшний день прекрасен, небо безоблачно, а воздух так чист, что мир кажется на тыся-

чи миль шире, чем обычно. Однако где-то под этим голубым небом производится сейчас разрушительное оружие и где-то находятся люди, испытывающие на себе действие радиоактивности. Думаю об этом, я дрожу от ужаса, как листок...»

Мы, японцы, являемся перемычкой жертвами атомных бомб, хорошо знаем, как они ужасны. Слово «атом» или «ядерный» проливает нам ужасом...»

Да, в Японии не забыли Хиросиму и Нагасаки. Там не забыли и о трагической судьбе японских рыбаков, пострадавших в результате испытаний американской водородной бомбы.

Угроза империалистического курса на обострение международной напряженности и на развязывание атомной войны очевидна, разумеется, не только для японской молодежи, но и для японской молодежи. В опасности подобной само-

убийственной политики отдают себе отчет все трезво мыслящие люди, в том числе и все трезво мыслящие американцы. Крупный предприниматель Сайрус Итон — один из таких американцев. По приглашению Сайрусу Итона, а его легкой резиденции в Пагуоше (Канада) недавно состоялась встреча членов СССР, США, Китая, Японии, Англии, Франции и других стран. Участники встречи высказались за немедленное запрещение испытаний ядерных бомб.

«Мой дорогой юный друг! — пишет в своем ответе Сайрус Итон. — Ваше трогательное письмо, в котором Вы говорите о своем стремлении к миру и прогрессу, характерно для тех искренних чувств, которые выражаются ныне вновь и вновь... во всех уголках мира». Повторив основной вывод конференции в Пагуоше о том, что «человечество должно уничтожить вой-

ну», Сайрус Итон пишет: «Мое собственное убеждение состоит в том, что мир может восторжествовать, в особенности, если молодежь мира будет напряженно учиться и работать над созданием лучшего взаимопонимания между народами». В специальном интервью корреспонденту газеты «Кливленд пресс» по поводу письма Тадаки Танигучи Сайрус Итон с горечью признал, что конференция, подобная Пагуошской, во время которой советские и китайские ученые свободно общались с американскими, не сможет состояться в Соединенных Штатах: «Мы уже утралили некоторые из своих свобод, о защите которых мы говорим в столь напыщенных выражениях».

По свидетельству Сайрусу Итона, различные аспекты нашей (американской) внешней политики посетят ребяческий характер... Мы дурачим самих себя, пытаясь быть слишком умными и слишком хитрыми». «Огромные суммы, расходуемые на вооружение — продолжает С. Итон, — принесла бы больше пользы стране, если бы они пошли на строительство школ и удовлетворение других нужд. Это не «оборона», когда вы создаете какое-либо оружие, которое ведет к вашей собственной гибели».

Сайрус Итон подчеркнул, что он «твердо верит в капитализм, основанный на свободном предпринимательстве, но не видит никакой необходимости убивать тех, кто не согласен с ним».

Мирное существование — вот единственно разумная политика для США, — говорит Сайрус Итон. — Мы должны научиться жить совместно в этом мире, или мы... погибнем. «Вы можете ладить со своими соседями, даже если Вы и не согласны с ними... У меня 13 внуков. Мне неприятно думать о том,

что они могут быть уничтожены. Вот почему я говорю так».

Самый факт переписки между столь далекими друг от друга странами, и по социальному положению корреспондентами, — факт, представляющийся на первый взгляд исключительным, служит красноречивой иллюстрацией всеобщности идеи, выраженной этой переписке. Эта идея, все более овладевающая человечеством, заключается в том, что люди не должны позволить использовать величайшее открытие науки для уничтожения жизни и материальных богатств, что преступную руку поджигателей войны нужно во что бы то ни стало остановить.

М. М.

Вот почему я говорю так».

Самый факт переписки между столь далекими друг от друга странами, и по социальному положению корреспондентами, — факт, представляющийся на первый взгляд исключительным, служит красноречивой иллюстрацией всеобщности идеи, выраженной этой переписке. Эта идея, все более овладевающая человечеством, заключается в том, что люди не должны позволить использовать величайшее открытие науки для уничтожения жизни и материальных богатств, что преступную руку поджигателей войны нужно во что бы то ни стало остановить.

М. М.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите через Вашу газету передать самую искреннюю и глубокую благодарность всем товарищам и организациям, поздравившим меня с пятидесятилетием и высокой наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

Вл. НЕМОДОВ